

6

Марина Крамер

ЧЕРНАЯ
ВДОВА

Марина Крамер

ЧЕРНАЯ

ВДОВА

Паутина для Черной вдовы

Черная вдова Марина Коваль

Марина Крамер

**Мост в прошлое, или
Паутина для Черной вдовы**

«Марина Крамер»

2011

Крамер М.

Мост в прошлое, или Паутина для Черной вдовы / М. Крамер —
«Марина Крамер», 2011 — (Черная вдова Марина Коваль)

ISBN 978-5-699-52725-0

Беспощадная и прекрасная Марина Коваль – лидер крупной криминальной группировки – мертва. В этом уверены враги Марины, и лишь несколько человек знают о том, что она превратилась в законопослушную английскую леди Мэриэнн Силву, живущую в тихом пригороде Бристоля. Но проклятое прошлое не отпускает. Старый приятель Гриша Бес, и без того урвавший после Мариной «смерти» огромный кусок, похищает ее сына. Коваль понимает – пока в России у нее есть враг, спокойной жизни не будет. И она возвращается! Возвращается, чтобы мстить...

ISBN 978-5-699-52725-0

© Крамер М., 2011
© Марина Крамер, 2011

Содержание

Лондон	5
Сибирь	6
Лондон	13
Сибирь	14
Лондон	22
Сибирь	24
Бристоль	27
Лондон	28
Сибирь	29
Лондон	34
Россия, за Уралом	36
Сибирь	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Марина Крамер
Паутина для Черной вдовы
Черная вдова. Книга 9

Лондон

«Как же больно... кто бы мне заранее сказал, что будет так больно... нет сил терпеть, просто нет сил. И это я – человек, общавшийся на «ты» с любым оттенком боли! Не думала, что в этой жизни есть что-то, чего я еще не испытывала...»

Тонкая рука тянется к тумбочке, шарит по ней и находит зеркало на длинной ручке. Подносит его к лицу, но там по-прежнему отражается какая-то упакованная в бинты мумия. Кровяные следы на белой марле, в прорезях блестят холодные синие глаза. Зеркало отброшено на одеяло.

«Как я вообще решилась на это, зачем? Опять все сначала, все снова. Не хочу, устала. Но уже ввязалась, поздно поворачивать, да и не в моих привычках делать это».

Сибирь

Он уже отвык от холода – от настоящего, русского холода, такого, какой бывает только здесь. Ежась и пряча в воротник лицо, высокий широкоплечий мужчина с белоснежным ежиком волос и такой же крашеной бородкой-эспаньолкой спустился по трапу и вошел в наполненный людьми аэропортовский автобус. До здания, где располагался зал прилета, можно было дойти пешком – самолет стоял совсем близко. Но – так положено. Сибирь в феврале – то еще счастье. Пронизывающий ветер и мороз, в комплекте это вызывает желание забиться под одеяло с кружкой чая и не выходить из дома. Но мужчине нужно было сюда, непременно нужно, и для этого он предпринял жуткий по времени и нервным затратам вояж. Бристоль – Лондон – Бангкок – Сибирь. Почти двое суток в дороге. И сейчас еще почти сорок минут на такси. Встречать некому – его тут не ждали. Сюрприз...

Такси он нашел быстро – в зале прилета толклось множество желающих заработать извозом. Вещей у мужчины не было – все свое с собой, в большой спортивной сумке. Первый же таксист заломил цену, превышавшую тариф втрое, но когда мужчина сделал шаг в сторону, отрицательно качнув головой, он ухватил потенциального клиента за рукав и зашептал:

– Это, слышь... поехали, по дороге договоримся. Я не обману. Просто тут иначе нельзя – враз шины порежут.

Мужчина с интересом оглядел невысокого плотного водителя, прикинул, что в случае чего разберется с ним одной рукой, и согласился.

«Волга» с «шашечками» была припаркована сразу за шлагбаумом, водитель открыл багажник, но пассажир отказался, забросив сумку на заднее сиденье. Сам уселся туда же, едва втиснув огромное тело, упакованное к тому же в объемный пуховик с капюшоном, в узкую дверь. С удивлением он наблюдал в окно за тем, как водитель снимает с крыши знак такси и небрежно бросает его на переднее сиденье.

Они успели отъехать от аэропорта километров на пять, уже началась хорошо знакомая лесополоса, сейчас сплошь заваленная снегом, когда наперерез «Волге» из кустов вынырнула старая иномарка. Водитель чертыхнулся, рванул руль влево, но сзади его тоже уже ждали. Заглушив двигатель, он нагнулся и стал шарить под сиденьем. Когда в его руках появилась монтировка, пассажир с оттенком жалости к себе вздохнул: «Ну, Хохол, не можешь ты без приключений. Как только ногой на родную землю – так шандец, слезай – приехали».

Дверки машины уже рвали с двух сторон какие-то люди в черных куртках и вязаных шапочках, натянутых на самые глаза. Водитель не успел даже пискнуть, как его вытащили из машины, сунули головой в снег и начали топтать ногами. Хохол неторопливо вылез и, потянувшись, спросил:

– И что за утренняя гимнастика для тех, кто в пути?

– Сядь обратно и захлопнись, а то и тебе наваляем, – не отрываясь, бросил один из нападавших.

Подобного пренебрежения к своей особе Жека Хохол стерпеть уже не мог.

– Ну, братва, извиняйте, коль что не так. – Он сбросил пуховик и, оставшись в тонкой шерстяной водолазке, схватил первого попавшегося за куртку и пояс брюк, размахнулся и отшвырнул на дорогу.

Тот неловко упал, ударившись головой о бампер иномарки. Трое остальных замерли, выпустив водителя.

– Ты че, в натуре? – протянул один, медленно опуская руку в карман, но Хохол это предвидел. Быстрым броском он оказался рядом с говорившим и вывернул тому руку так, что мужик взвыл и рухнул на колени, а Хохол выдернул из кармана его куртки пистолет.

– У, как тут у вас по-взрослому-то, – протянул он, переводя пистолет с одного нападавшего на другого. – Ну что, юноши? Постреляем?

«Юноши», однако, были другого мнения о стрельбе в столь ранний час на пустой дороге. Они подхватились и побежали к машине, и через секунду старая иномарка, взвизгнув и пройдясь юзом по обледенелой дороге, умчалась в направлении аэропорта. Хмыкнув, Женька сунул приобретенный «ствол» за пазуху – кто знает, что может случиться, да и не бросать же его на дороге. Не война же...

Он помог подняться водителю, и тот, сплевывая кровавую слюну на измятый ногами снег, выругался:

– Вот же, а... заколебали, сволочи, работать не дают!

– Что это у вас? – поинтересовался Хохол, садясь в машину и закуривая. – Не возражаешь, если я в салоне покурю?

– Да кури, что ты... – Водитель сел за руль и глянул в зеркало заднего вида. – Ну, отrixтовали рожу... что теперь жене брехать буду...

– Ну так и скажешь, как было.

– Ты что! Ей нельзя, она беременная у меня, узнает – расстроится! – вздохнул водитель. – Я ж и таксую для того – ну, чтоб там пеленки-распашонки, всякое такое-этакое. Мне по жизни и своей зарплаты хватает, но ребенок – сам понимаешь. А тут объявились волки – единая такса – и все тут, всех чужих разгоняют, цену чтоб не перебивали. Сами ломают такое бабло – страх подойти, а у нас тут так – если не на тачке и не встретил никто, то будешь автобус этот до ночи ждать. Вот они и пользуются.

«Н-да, Россия-матушка, – подумал про себя Хохол, покуривая в приоткрытое окно. – Ничего-то не поменялось».

В доме, к которому подвезло его такси, горели окна – многоквартирный «скворечник» давно проснулся, и его обитатели собирались на работу, в институты, школы – кто куда. Только два окна в том подъезде, около которого Хохла высадил таксист, были темными. Это его встревожило – а что, если Мышка в больнице? Надо было все же позвонить...

Он вошел в подъезд и поднялся пешком до знакомой двери, нажал кнопку звонка и прижался ухом к холодному металлу в районе глазка, пытаясь определить, есть ли кто-то в квартире.

– Кто там? – Женский голос успокоил его – Мышка дома.

– Открывай, не бойся – не менты.

Дверь открылась, и худая брюнетка в черном халате повисла у него на шее:

– Женька!!!

– Все, не ори, горло простудишь. – Он занес ее в квартиру и захлопнул дверь. – Ты одна, что ли? А Алена где?

Аленой звали дочь женщины.

– Они с мужем в Бельгию улетели, у него там турнир какой-то, а Аленку он с собой взял. Когда еще будет такая возможность...

– Удачно я заехал, попал аккурат к свободной женщине, – улыбнулся Хохол, и она расмеялась:

– Прекрати.

– Ну, что ты, разве я о том?

Оба знали – не о том. И даже речи не могло быть ни о какой связи, даже намек – разве могут очутиться в одной постели брат и сестра? А они искренне считали себя родственниками, хотя никогда ими не являлись.

– Ты раздевайся, я пока чайник погрею.

Она прошла в кухню, зашумела там водой, брякнула чайником. Хохол скинул куртку и ботинки, прошел в ванную, на ходу успев бросить беглый взгляд на висевшее на вешалке ярко-желтое детское платье. Видимо, у Алены недавно был конкурс – дочь Мышки (которую вообще-то звали Машей, но благодаря Хохлу для всех в его доме она была Мышкой) занималась балльными танцами.

Мышка-Машка была довольно близкой подругой Марины, жены Хохла. Они познакомились давно, в Израиле, и это странное знакомство как-то удивительно быстро перетекло в дружбу. Марина не подпускала к себе никого, будучи в силу жизненных обстоятельств женщиной осторожной, но с Машей сошлась. Они даже со спины были похожи, и любовь к черным вещам, и черные волосы – все это делало их одинаковыми. Разве что Мышка была меньше ростом, худее и чуть спокойнее. Хотя, если надо, тоже могла отбрить не хуже Марины.

Марина... Вечная головная боль и истеричная, звериная любовь. Даже сделав ее после многих лет бесплодных попыток своей женой, Хохол не стал спокойнее и увереннее в ней. Эта непредсказуемая женщина могла все. Она могла встать и уйти без объяснений, могла выгнать его из дома, не считаясь с тем, что живут они в Англии, а Хохол по сей день владеет английским на уровне пятого класса спецшколы для детей с отставанием в развитии. Но в этом была вся Марина Коваль – в далеком прошлом глава одной из крупных криминальных группировок за Уралом. Такое вот счастье досталось Хохлу на пятом десятке жизни.

– Жень, ты, может, в душ с дороги? – спросила Мышка из кухни. – Или сначала кофей-чай-сигарета?

– Сама ведь все понимаешь, – усмехнулся он и принялся стягивать с рук тонкие кожаные перчатки, с которыми в последнее время расставался только в жару, и то не очень охотно.

Хохол нестерпимо стеснялся своих рук, покрытых затейливыми татуированными перстнями, надписями и рисунками. Это пришло внезапно, в какой-то момент, когда Женька вдруг уловил резкий, неприятный контраст между прекрасной белой кожей Марины и вот этим «великолепием», прикасавшимся к ней. С тех пор, как бы ни сопротивлялась Коваль, он всегда носил перчатки. И никакие слова о том, что ей безразлично, как он выглядит, не убеждали Хохла в обратном. Он стыдился своего прошлого, которое так явно подчеркивали эти картинки и надписи.

– Жень, ну, что ты там? – Мышка выглянула из кухни, и в ее руке он увидел сигарету.

– Так и не бросила?

– Нет, не могу пока, – виновато прошелестела Мышка. – И потом, знаешь, это помогает мне не думать.

Он подошел вплотную, забрал сигарету, докурил за одну затяжку и ткнул окуроч в пепельницу на столе.

– Заканчивай, Машка, серьезно говорю. Усугубляешь ведь только.

– Телевизора насмотрелся? – почти враждебно отозвалась она и, отойдя, вспрыгнула на столешницу возле плиты – даже в этом они с Мариной были похожи. – Типа – капля никотина убивает лошадь? Знаешь, что дальше?

– А то! – усмехнулся Хохол, уstraиваясь за столом. – Пусть, дура, не курит. Речь-то не об этом, Машка. Не о вреде курения для лошадей.

– Жень, да знаю я все, – с досадой пробормотала Маша, трогая пальцем прозрачную крышку сковороды, где аппетитно шкворчали разогреваемые блинчики с мясом. – Но вот поверь – иной раз ночью такое в голову лезет...

– И что – покуришь – делается легче?

– Нет, но...

– А раз «нет» и «но» – вот и бросай, – подвел черту Хохол.

Он с аппетитом принялся за завтрак, краем глаза наблюдая за Машкой, мелкими глотками прихлебывавшей крепкий кофе без сахара. Она еще сильнее похудела, хотя и до этого казалось, что дальше просто некуда. Марина, когда полгода назад увидела ее входящей в зал прилета аэропорта «Хитроу», смахнула с ресниц слезы и пробормотала:

– Мне кажется, что ей сейчас только крылья за спину – и она улетит, исчезнет...

Маша тогда провела у них почти месяц, мало выходила из своей комнаты, все больше спала или писала что-то в толстой тетради на пружинке – на столе всегда валялись простые карандаши с чуть искусанным концом. Никакие попытки вытащить ее погулять или проехаться по городу не увенчивались успехом, и Марина в конце концов вообще запретила ее трогать. Единственным человеком, с которым Машка тогда общалась с удовольствием, был Грегори, сын Марины. Мальчик приходил в Мышкину комнату в любое время, и та с радостью уделяла ему время, читала привезенные в подарок русские книжки, что-то рассказывала и отвечала на многочисленные вопросы любопытного Грега. Хохол и Марина были рады, что хотя бы их сыну удастся отвлечь Мышку от тяжелых мыслей о болезни.

– Ты смотри, если надоест – не церемонься, выгоняй его, – говорила Марина, но Маша только качала головой:

– Ну, что ты! С ним так интересно – он мне много забавных вещей рассказывает, про свою школу, например. Я же одна совсем с ума сойду.

«А какого же черта тогда ты нас-то избегаешь?!» – хотелось рывкнуть Хохлу, но он понимал – нельзя. Ребенок не жалеет, не смотрит сочувственно, он просто интересуется тем, что его волнует – и это как раз не Машкина болезнь, а совершенно посторонние вещи – сколько уроков бывает у Алены, сколько времени она проводит на тренировках, много ли им задают. В общем, как раз Грег сумел отвлечь Машку от предшествовавшей поездке госпитализации и почти двухмесячного курса тяжелейшего лечения.

Сейчас, спустя полгода, она выглядела намного лучше, хотя и похудела до безобразия. И эти ее черные волосы... Они давали слишком много сходства с Мариной, особенно когда Маша сидела, опустив голову, и длинные, ниже плеч, пряди почти полностью скрывали лицо. Хохол не видел ее с другим цветом, хотя Марина говорила, что в момент знакомства Мышка была блондинкой, а потом какое-то время – рыжей, с короткой стильной стрижкой. В черный же она перекрасилась после того, как услышала о диагнозе от врача, и с тех пор больше не менялась, разве что длина волос указывала на пройденный курс лечения – после выхода из больницы Мышка вынужденно стриглась покороче.

– Хорошие блины, – заметил Хохол, нарушая тягостное молчание, заполнившее кухню.

– Как чувствовала, что гости будут, – откликнулась Маша, садясь прямо и убирая волосы за спину. – Я, когда одна, совсем не готовлю – все равно есть не могу, чего ж впустую...

– Служба доставки тебя, видимо, по голосу уже знает, – Хохол кивнул в угол, где стояли пластиковые коробочки с эмблемой японского ресторана, в котором Машка обычно заказывала суши, роллы и мисо-суп.

– Знает, – подтвердила она, даже не улыбнувшись. – Мой врач говорит, что я держусь в одной стадии так долго как раз потому, что постоянно ем водоросли и морепродукты. У японцев почти не бывает запущенной онкологии.

– Дура ты, – вздохнул Женька.

Эти разговоры всегда наводили на него бессильную тоску и вызывали злость – ну, почему это должно было случиться с человеком, не сделавшим никому особого зла? Машка, всю жизнь, со школы еще, работавшая в больнице, видела столько человеческого горя и боли, что, возможно, просто не смогла справиться, не смогла перебороть в себе чужие страдания. Марина часто повторяла, что онкология – это болезнь внутренней неуверенности, каких-то тщательно

скрываемых страхов и переживаний. Он не верил, как не верят все здоровые люди – им просто страшно вникать в это.

– Давай я тебе постелю, ты поспишь? – предложила Машка, спрыгивая со своего импровизированного наместа. – Мне уйти нужно на пару часов, а ты сможешь спокойно отдохнуть.

– Куда? – почему-то насторожился Женька, и чуткая Маша уловила этот тон.

– А что за допрос?

– Не допрос, просто интерес.

– Я, дорогой, женщина самостоятельная и взрослая, и у меня могут быть дела, – отбрила она с легкой улыбкой, и Женька подавил в себе желание взять ее за воротник черного халатика и встряхнуть как следует.

Он с наслаждением растянулся на диване и закрыл глаза, слыша, как в своей комнате собирается Машка, как она ходит по кафельному полу, чуть постукивая подошвами тапочек, как, наконец, за ней захлопывается дверь, а вскоре стихает и звук уехавшего вниз лифта. В доме воцарилась тишина.

...Это было так давно, кажется, даже в другой жизни, но почему-то именно сейчас, в тишине пустой Машкиной квартиры, воспоминание стало острым и совершенно свежим, как будто вчерашним.

Марина тогда каким-то нечеловеческим усилием, чисто женской хитростью и свойственной только Коваль упертостью и изворотливостью сумела вытащить его из Бутырки, откуда, казалось, ему уже заказана дорога навсегда. Международный розыск – это вам не гусь чихнул, это уже серьезные игры. Но Марина, косвенно виновная в его аресте, сделала все, на что была способна и даже не способна, чтобы только его вернуть. Они остановились тогда у Гришки Беса, в маленьком зауральском городке, где тот «мэрствовал». Коваль, которую все считали давно мертвой, произвела небывалый фурор в доме родственника, едва не доведя того до психического срыва своим появлением. Гришка считал дни и часы до момента, когда непрощенная гостя покинет его владения, но Марина вдруг решила выйти замуж и сделать это именно в родном городе, а не в Англии, где давно и вполне благополучно жила все это время. И Бесу ничего не оставалось, как скрипнуть зубами и согласиться. И вот тогда Женька вместе с маленьким Егоркой решил поехать и купить будущей жене подарок. Он прекрасно знал, что для Марины не представляли особой ценности золото и камни, шубы и машины – к чему все это женщине, у которой и так было все? Но у него самого имелся непробиваемый стереотип о приличествующих случаю подарках, а потому Коваль придется смириться с этим.

Бес разрешил взять его машину с водителем, но велел Хохлу постараться не особенно привлекать к себе внимание разбитым лицом. Для достоверности перед побегом в тюрьме Женьку довольно честно помяли трое бывалых уроков, и лицо его теперь было совершенно неузнаваемо. Он, конечно, пообещал...

– Останови-ка вот тут, Семен, – завидев торговый центр, попросил Женька. – Мы недолго, подождешь?

– Конечно, Евгений Петрович, не беспокойтесь.

Хохол нацепил темные очки, натянул тонкие перчатки для водителей, чтобы скрыть свои татуировки, и вышел с Егором из машины.

– Ветровку застегни, прохладно, – машинально заметил он, и мальчик послушно потянул вверх «молнию» джинсовой курточки.

– Папа, а что мы будем покупать? – разглядывая ярко освещенные витрины, спросил Егор, и Женька пожал плечами:

– А вот что понравится, то и купим.

– Вообще-то женщинам нужно украшения дарить, – авторитетно заявил мальчик, потянув отца за руку к большому ювелирному отделу.

Хохол засмеялся и пошел следом. К ним сразу подошла девушка в белой блузке и темно-вишневой юбке, с таким же шарфиком, повязанным вокруг шеи.

– Желаете что-то посмотреть?

– Да, пожалуйста.

– Может, что-то конкретное интересует?

– Покажите серьги, – произнес Хохол, ткнув пальцем в застекленную витрину с серьгами.

– Вот эти! – добавил Егорка, указав пальчиком на изящные золотые серьги с крупными черными жемчужинами, окруженными мелкими бриллиантами. – Пап, да?

– Да, сынок, эти, – одобрил Женька, с удивлением отметив про себя, что у мальчика хороший вкус и тонкое чутье – Марина тоже обратила бы внимание на это.

– К ним есть еще подвеска и кольцо, будете смотреть? – Девушка достала серьги на красной подушечке и протянула их Хохлу.

– Будем.

Они долго рассматривали украшения, вертели их в руках, Егорка даже приложил подвеску к себе, насмешив и продавца, и Женьку.

– Маме подарок выбираете? – спросила девушка, упаковывая украшения в коробочки. – Может, сделать особенную упаковку, подарочную?

– Да, – солидно кивнул Егорка. – Только можно я сам выберу?

Девушка, которой очень понравился этот рассудительный не по годам мальчик, разрешила ему войти за прилавок и разложила перед ним различные коробочки, пакетики и просто листы красивой упаковочной бумаги, из которой можно было сделать сверток и украсить его различными бантами. Егорка придирчиво копался в этом великолепии до тех пор, пока не нашел совсем простой золотистый пакетик:

– Вот! Мне этот нравится.

– Отличный выбор, – улыбнулась продавец, беря у него из рук пакетик и укладывая туда коробочки с украшениями. – У вашего юноши отменный вкус и склонность к простым и элегантным вещам, – обратилась она к Женьке. Тот кивнул, доставая из кармана кредитку.

– Это в мать. Она у нас тоже любит, чтобы неброско и просто. А такие вещи ведь самые красивые, правда?

– Совершенно верно, – кивнула девушка. – Пожалуйста, вот ваши покупки и кредитная карта. Надеюсь, ваша жена оценит подарок.

– Спасибо.

– До свидания, – солидно кивнул Егорка и взял в руку пакетик, прижал его к груди.

Эти серьги, кольцо и подвеску на тонкой золотой цепочке Хохол потом подарил Марине прямо на свадьбе, и она довольно часто носила комплект, хотя не очень любила украшения.

Воспоминания о жене заставили Хохла стряхнуть сонную оторопь, от которой устаешь сильнее, чем от бессонницы, и потянуться к небольшой поясной сумке, в которой, тщательно спрятанная в обложке паспорта, лежала фотография Марины. Разглядывая ее, Женька ловил себя на мысли, что постоянно исподволь ждет, когда же безукоризненное лицо жены станет менее привлекательным для других. Броская красота Марины доставляла ему массу неприятных моментов, заставляла ревновать к каждому, кто бросил на нее хоть мимолетный взгляд. Женька отчаянно страдал от этого, но понимал – показывать нельзя, эмоции нужно тщательно скрывать и носить в себе. Марина не прощала малейшей слабину – мгновенно впивалась в уязвимое место длинными ногтями и причиняла невыносимые болевые ощущения.

Сюда, в Россию, он приехал после крупной ссоры, в ходе которой Коваль снова выкинула его из дома, заявив, что больше не желает иметь с ним ничего общего. Причина, как всегда, была – Марина все чаще стала прикладываться к бутылке с текилой. «Тоска по родине», – объясняла она сыну, но Женьку такого рода объяснения, естественно, не устраивали. Он вообще считал, что ребенку незачем видеть подобные картины – из-за этого, собственно, и произошел

скандал. И случилось еще кое-что. Собственно, именно это «кое-что» и явилось пусковым моментом ссоры, а вовсе не любовь Коваль к текиле – это Хохол приплюсовал уже «до кучи», так сказать. На самом же деле его неугомонная супруга решила положить конец бесконечным домогательствам Гришки Беса, а для этого улеглась в клинику пластической хирургии. Хохол бесновался, орал и угрожал, но Марина не обращала внимания, а устав, просто выставила его.

Лондон

«Для чего я пошла на это? К чему? Я все равно никогда не смогу вернуться домой насовсем. Никогда. Меня там никто не ждет. Более того – меня там не хотят видеть как раз те, на чью помощь я только и могу рассчитывать. Те, кому я доверилась, открылась. Те, кто не должен был предать, сделали это первыми».

Она встает, закуривает, чуть приоткрыв окно. Курить нельзя – врач категорически запретил, но когда ее пугали или останавливали запреты? Если бы это было так, многих проблем в ее жизни никогда бы не было. Табачный дым сладко щекочет ноздри, хочется чихнуть и почесать кончик носа, но нельзя – сплошной слой марли мешает. Она прикасается кончиками пальцев к повязке и морщится. Ноющая боль стала постоянным спутником, кажется, что хуже этого ничего не бывает. Все лицо словно стянуто, болит и чешется. Вот уже почти два месяца она здесь, и боль за это время стала почти привычной, и даже странно, когда ничего не болит.

– Всегда мои авантюры были сопряжены с физическими страданиями, – бормочет она вполголоса, выбрасывая окурок прямо за окно в стерильный больничный садик. – Ну, ничего, это временно.

Сибирь

Маша шла по грязному тротуару, то и дело поскользываясь на высоких каблуках сапожек, и временами смотрела через плечо назад. Неприятное чувство, что за ней наблюдают, не отпускало вот уже несколько месяцев. Еще летом прошлого года в магазине к ней прицепился странного вида парень, хватал за рукав и нес какую-то ерунду, а когда Маша, не желавшая скандала и повышенного внимания к себе, выскочила на улицу, последовал за ней. В такие моменты она давно приучила себя не бежать, а останавливаться и давать отпор. Так всегда учил их заведующий отделением – не показывать спину, а демонстрировать готовность к отпору. Силы сегодня были приблизительно равны – парень казался щуплым и несильным, так что Маша, несмотря на каблуки, вполне рассчитывала, если что, справиться. Но тот просто остановился напротив, когда Маша, развернувшись, посмотрела ему в глаза, и, постояв минут-другую, бросился наутек. Она только плечами пожала и пошла своей дорогой, однако через пару недель снова наткнулась на него, а потом еще раз и еще. Постепенно она привыкла, а через какое-то время парень вроде как исчез, но ощущение чужого пристального взгляда за спиной осталось. Он возникал еще несколько раз, и как раз в те моменты, когда Машин муж бывал в отъезде. Возможно, это было простым совпадением.

Сейчас Маша тоже чувствовала на себе этот взгляд, но, сколько ни вертела головой, поймать в поле зрения его обладателя так и не смогла.

«Хорошо, что Женька приехал, – подумала она, поправляя сползающую с плеча сумку. – Мне с ним хотя бы не так страшно».

Однако приезд Хохла – такой неожиданный, без предупреждения – показался ей странным. Как и то, что в ответ на предложение позвонить Марине он только махнул рукой и перевел разговор на другую тему.

Настораживало и отсутствие звонков от самой Марины. Последний раз они общались примерно месяц назад, а перед этим – в день рождения, который отмечали в один день. Марина тогда показалась Маше какой-то усталой, голос звучал глухо, а это всегда являлось следствием ее плохого самочувствия и настроения. Но на все вопросы она отвечала уклончиво, а потом и вовсе перешла в наступление, начав спрашивать Машу о ее состоянии, а подобная тема всегда вызывала только неприятные ассоциации. И было странно, что Коваль, прекрасно об этом знавшая, вдруг повела себя таким образом. Словом, Маша только укрепилась во мнении о том, что с подружкой что-то не в порядке, оставалось только добиться от Женьки хотя бы косвенного подтверждения.

Она аккуратно, почти неслышно открыла замок входной двери, на цыпочках вошла в прихожую и прислушалась. Нет, тихо, видимо, Женька еще спит с дороги. Маша сняла шубку, сбросила с ноющих ног сапоги и пошарила рукой под выступавшим в коридор полукругом дивана в поисках тапочек.

– Ты их в кухне скинула, – раздался голос Хохла, и Мышка, вздрогнув всем телом от неожиданности, разогнулась:

– Фу, напугал! Не спишь уже?

– Да сколько ж можно? – Он вышел из кухни, потягиваясь, и бросил тапочки под ноги Маше. – Долго гуляешь, девушка.

Она только фыркнула, ничего не отвечая, и в глазах Хохла прочла недовольство.

– Чай будешь? – как будто она пришла в гости, осведомился Женька, и Маша кивнула:

– Буду, замерзла.

Пока он колдовал в кухне с чайниками и нюхал разные сорта чая в коричневых пергаментных пакетиках, коих у Маши в шкафу обнаружилась целая батарея, она успела переодеться, вымыть руки и подобрать волосы наверх большой заколкой-крабом. Женька, увидев,

как она садится за стол и вынимает из кармана халата сигареты, поморщился – слишком уж Маша в последнее время напоминала ему Марину. Или это просто он хотел в каждой женщине видеть ее?

Приземлившись напротив с кружкой крепкого черного чая, Хохол поинтересовался:

– Твой-то надолго в Бельгию?

– На две недели, – откликнулась она. – А что?

– Я у тебя пока перекантуюсь, ничего? Если стесню – скажи, я не в претензии.

– Ужасно стеснишь, – без тени улыбки ответила Маша, затягиваясь ментоловым дымом, и Женька удовлетворенно кивнул:

– Прекрасно. Тогда с меня – кухня, с тебя – покупка продуктов, раз уж ты все равно на улицу ходишь.

– Не вопрос. Но скажи... – она многозначительно умолкла, однако Женька уловил суть вопроса:

– Не бойся, Машка, все чисто. Я не в бегах, не в розыске, никто за мной не ходит, все в порядке. Да и не приволок бы я к тебе такой груз, тебе своего хватает вполне.

Маша, кажется, устыдилась своего вопроса. Зная Хохла много лет, последнее, в чем она могла бы его заподозрить, было желание причинить ей – вольно или невольно – какой-то хотя бы минимальный дискомфорт.

– Убедил. Ты знаешь, так, наверное, даже лучше... – Она перевела взгляд в окно, где уже стемнело и зажглись фонари. – Я хотя бы одна не буду. Совсем стало невыносимо. Раньше ждала этого одиночества как самого желанного подарка, а теперь, получив, не знаю, что с ним делать.

Женька подпер кулаком щеку и внимательно вгляделся в ее бледное лицо. Машка ощущало страдала – и это не было связано с физическими проблемами. У нее в голове происходило что-то, чем она не хотела – или не могла – поделиться с ним.

– Мань, а ты чего это завела такую песню? Случилось что? Ну, так прямо давай, не крутись около.

Она только покачала головой:

– Ты не поймешь. Не обижайся, Женька, но у тебя все просто и прямо, как паровозные рельсы. А у меня, к несчастью, вечно какие-то перегибы и закоулки.

– Да уж! В закоулках-то вы преуспели на пару с Мариной Викторовной! – не выдержал он, и Машка насторожилась:

– Это ты о чем?

– Так, о своем.

– Поругались? – сочувственно спросила Маша, прекрасно зная крутой нрав и тяжелый характер подруги, с годами не становившиеся мягче и легче.

Хохол только пожал плечами и как-то неопределенно мотнул головой, и это могло значить что угодно – и нет, и да. Он не особенно хотел выглядеть сопливым мальчиком, которого любимая девочка послала к черту, ибо в его возрасте смешно уже не справляться со строптивой женщиной. Однако все, кто когда-либо знал Марину Коваль, признавали – не было таких мужиков, кто способен был бы подчинить ее и заставить окончательно смириться и покориться. Даже ее первый и горячо любимый муж Егор Малышев, человек с сильной волей и простым характером, и тот не мог сказать, что Марина принадлежала ему до конца. Она безумно любила его, но если было нужно, могла пойти вопреки его воле и настоять на своем. Женька же Влащенко, матерый уголовник с приличным тюремным «стажем», вообще порой казался себе слабым и нежизнеспособным щенком, которого хозяева не утопили из жалости. Марина умела так посмотреть, что ему не нужно было слов – он поджимал хвост и позорно уползал в конуру, кляня себя за слабость и понимая, что стоит ей поманить пальцем, как он забудет про гордость и амбиции и поползет за ней на брюхе. Пару раз Женька взрывался, уходил, уезжал,

заводил любовниц – но все заканчивалось, стоило ему хотя бы случайно увидеть Марину. И она, к его великому несчастью, тоже прекрасно знала, что не потребуются особенных усилий, чтобы вернуть сбежавшее «домашнее животное», как сам Хохол называл себя в моменты злого отчаяния. Марина была его болезнью, его наркотиком, страстью, которая не проходила, а лишь усиливалась с годами.

– Жень... – Мышка коснулась рукой его плеча. – Ну, брось ты. Знаешь ведь – куда она денется?

– Она-то? – хмуро усмехнулся Хохол. – А то ты не знаешь, что ей стоит только бровью дернуть, как вокруг сразу толпа желающих!

– О, ревность? – мягко подколола Мышка. – Как будто ты не знаешь, что все эти увлечения и дерганья бровями – пустые забавы, не больше! Маринке просто важно убедиться в том, что она до сих пор желанна и интересна еще кому-то, кроме тебя, вот и все.

Хохол недоверчиво посмотрел на нее.

– Да? А тебе вот важно, нужна ли ты еще кому-то, кроме мужа?

– Мне это безразлично. Я всегда была спокойна и равнодушна к мужскому вниманию. Да, поклонники были, и сейчас еще попадают, но мне это как-то все равно.

– Ты вообще странная, Машка. Не разберешь тебя. А мне эти все разборки – вот где! – Хохол энергично провел ребром ладони по горлу. – Добро бы – наедине, так ведь нет – она пацана вынуждает слушать и смотреть. И пьет опять.

– А Грег что?

– А он умнее нас обоих, по ходу. Посмотрит как на придурков – и пошел к себе, за комп сел и давай дома обставлять.

– Какие дома? – удивленно застыла Мышка, не донеся сигарету до губ.

– Виртуальные, – хмыкнул Женька, отобрав у нее сигарету и сломав пополам. – Программу мы ему для компа купили такую – дизайн интерьера, вот он и развлекается. Вбил в голову, что будет дома строить, как Малыш покойный. Видно, кровь водичкой-то не разбавишь.

– Ты с таким сожалением говоришь, словно хочешь, чтобы он был таким, как вы, – с мягким укором проговорила Маша и, взяв новую сигарету, отодвинулась на безопасное расстояние.

– Нет, конечно. Куда – как мы? В бегах остаток жизни? С чужими именами, с левыми паспортами? – невесело усмехнулся Женька. – Думаешь, это просто? Так и трясусь каждый день – а ну, как кого знакомого занесет в наши края? И ведь заносит же! Заносит, не поверишь! Лондона мало им! Нет – прутся в Бристоль, как намазано там чем!

– Что – снова кто-то появлялся? – с тревогой в голосе спросила Маша, и Хохол кивнул:

– Не поверишь – наш раззолотой племянник Коленька.

Маша почувствовала, как сердце уехало куда-то вниз и даже биться стало реже. Хохол не был в курсе того, что сделал Маринин племянник после того, как Женька вывез едва живую Коваль с годовалым ребенком в Англию, похоронив перед этим с помпой какую-то загримированную проститутку. Потому что если бы знал... Об этом страшно было даже подумать.

– И... что? – с опаской спросила она, боясь выдать себя и то, что знает о племяннике Марины.

– А что? Едва успел Маринку с Грегом в магазин затолкать, сам следом – и дверь подпер, – Женька встал и потянулся, как после сна. – Она его даже не сразу увидела, а я потом аккуратно следом прошел, до отеля проводил. Он один приехал, без семьи. Я еще пару дней у отеля светился, все смотрел, с кем и куда Колька ходит. Встречался он с каким-то мужиком, по виду – не инглиш, скорее русский, может, эмигрант какой.

Хохол щелкнул кнопкой чайника, плеснул заварки в большую кружку. Маша молчала. Ей очень хотелось рассказать Женьке все, что она узнала в свой последний визит в их город

от Виолы. Но умом она понимала – нельзя, потому что Женька сразу же рванет туда и вобьет Марининого племянника в землю по пояс, а то и выше – за предательство, за то, что Николай так легко поддался на мелкую провокацию и оговорил тетку, давшую ему в жизни все – работу, деньги, даже дом. Маша знала и то, что Маринин отец, старый журналист Виктор Иванович Коваль, отказался от старшего внука, запретив тому упоминать об их родстве. Она поддерживала это решение старика, хотя глубоко внутри жалела запутавшегося Николая. Но это чувство слегка поутихло, когда Виола предъявила ей факты – запись пресс-конференции Николая и несколько газетных заметок на ту же тему. Отвращение захлестнуло Мышку, когда она увидела на экране потеющего и красного от напряжения Кольку, говорившего такое, за что не только по воровским, а и по человеческим законам полагалось нечто ужасное. «Бедная Маринка, – подумала она тогда, вертя в руках пульт. – Все для него сделала, родным считала, дело дала – а он...»

Ветка тогда по секрету сказала Маше, что Колька потом приезжал к ней, валялся в ногах и просил избавить от кошмаров, мучивших его ночами.

– Гнида! – выпуская ноздрями дым, гневно вещала ведьма, расхаживая по комнате в своем белом полупрозрачном одеянии. – Как можно?! Ведь она его вытянула из болота! Все дала, все! А этот паршивец...

– Вета, а ты ж вроде встречалась с ним... Или нет? – осторожно спросила Мышка, раскуривая сигару, к которым в тот период жизни испытывала странную тягу.

– Или да, – Ветка резко остановилась перед ее креслом и выдохнула дым. – Но что это меняет?! Что?! Я Маринку любила – и люблю до сих пор, не могу простить, когда вот так – с ней! И не позволю никому!

Это уже была прямая угроза самой Маше. Ветка до сих пор не могла простить ей странного и очень быстрого сближения с Мариной, постоянно подозревала в чем-то большем, чем просто дружба. Маша первое время оправдывалась, приводила какие-то доводы, потом устала и махнула рукой, позволив ведьме думать все, что той заблагорассудится.

Маша всегда тяготилась этими поездками, но вовсе не потому, что не хотела выполнять просьбу подруги и проведывать могилу ее мужа. Ей трудно было оказываться в доме Беса и Ветки, отношения с которыми сложились не особенно дружеские. Открытого конфликта, разумеется, не было, но напряжение чувствовалось постоянно. При этом стоило только Маше заговорить о гостинице, и оба в голос начинали обижаться и вынуждали ее сдаться. Но моральный дискомфорт все равно преследовал. Единственной отдушиной всегда оставалась домработница Даша, перебравшаяся от Марины к Ветке и Бесу. Вернее, перебравшись-то она сперва к Николаю, но потом, после всего, не смогла остаться и видеть каждый день человека, оговорившего Марину, которую Даша считала чуть ли не дочерью, которой у нее никогда не было. Не умея скрывать эмоций, Даша через какое-то время все же попросила расчет и стала работать у Виолы, искренне привязавшись к ее больному приемному сыну Леше. Мальчик благодаря усилиям домработницы начал набирать вес и крепнуть физически, и Ветка с Бесом не могли не отметить этого.

Маша старалась провести с домработницей больше времени – общаться с душевной и отзывчивой женщиной было куда проще и приятнее, чем с холодной, отстраненной и высокомерной Виолой. Да и сама Даша, находя в лице гостьи новый объект заботы и повышенного внимания, старалась заходить в ее комнату как можно чаще, и всегда не с пустыми руками. От ее булочек, пышек, слоек и пирогов Маша чувствовала себя распухающей, как тесто на опаре.

Хохол, кстати, был в курсе непростых отношений Мышки и Виолы – всякий раз, вернувшись, Маша писала Марине длинные, обстоятельные письма, больше напоминавшие рассказы, полные эмоций, личных ощущений и наблюдений со стороны. Женька, от которого жена не скрывала ни своей просьбы, ни следовавших за ее выполнением отчетов, тоже читал их. Он-то как раз отлично понимал причину и мотивы такого поведения Виолы – она просто исходила от

ревности, истекала ею, как зрелый персик соком, не могла пережить, что у Марины появился еще кто-то, с кем она делится сокровенным. Эта ревность усилилась стократно, когда выяснилось, что Коваль жива, и Мышка тоже знала об этом, а не только она, Ветка. Это явилось для ведьмы таким ударом, вынести который она не могла. Разумеется, подобное открытие не добавило Мышке любви и хорошего отношения со стороны Виолы, однако и напрямую конфликтовать та не решалась, понимая, что этим может настроить против себя Коваль, которую всегда было выгоднее и спокойнее иметь другом, чем врагом. Даже Бес, неоднократно пытавшийся прижать «к ногтю» строптивую родственницу, все-таки каждый раз опасался последствий, хотя и знал, что Марина не станет мстить двоюродному брату мужа. И только Хохол знал истинную причину бездействия жены – та просто-напросто брезговала связываться с непорядочным и мелочным Гришкой.

– Жень... – Мышка решила отвлечь Хохла от мыслей о племяннике Марины, чтобы ненадолго не дать понять своего истинного отношения к нему и не заставить Женьку задавать ненужные вопросы. – Скажи... ты скучаешь? Ну, в смысле – по России скучаешь, по дому?

Хохол усмехнулся и потянул к себе заварник.

– По дому? А он был у меня – дом-то этот, по которому надо скучать?

– Ну а как... – растерялась Мышка, не сразу поняв, куда клонит Женька.

– А вот так, Марья. Своего дома – понимаешь, такого, чтоб мой, собственный, устроенный так, как я хочу, – у меня никогда не было. Всю жизнь в каких-то приживалках – то у Строгача, то у Маринки потом. Это был дом Малыша – и от этого никуда невозможно было спрятаться, изменить никак нельзя. Я однажды заговорил про ремонт – так думал, она меня на куски порвет. Мол, как ты смеешь, это дом моего мужа – а муж уже больше трех лет мертв был. Устроила дом-музей, понимаешь. – Хохол потер шею и продолжил с плохо скрываемой досадой: – Я ведь и там, в Англии этой, живу в его доме – прямо рок какой-то, куда ни глянь – всюду он.

– Жень... Но ведь Егора нет уже так давно. И Маринка носит твою фамилию.

– Много от этого изменилось, ага.

Сарказм не укрылся от Мышки, и она попыталась спорить, однако тщетно. Хохол имел на этот счет свою версию, отступать от которой не собирался, да и не имело это особого смысла. Марина, хоть и вышла за него замуж, и даже сняла обручальное кольцо Малыша, с которым не расставалась, но все равно ухитрилась внутри остаться женой Егора. Женька понял это совершенно четко и постарался даже смириться, но с годами обида не убывала, а всплывала в неожиданных моментах, заставляя Хохла вытворять не самые благовидные вещи. Он потом жутко стыдился собственной несдержанности, но ничего не мог поделать с этими вспышками ярости и ревности к мертвому человеку.

– И вообще, Марья, давай-ка мы с тобой эту тему закроем. Не хочу об этом, – хмуро попытожил он, и Мышка согласно кивнула.

У нее в голове крутился еще один вопрос, который ей нестерпимо хотелось задать Женьке, но она отлично видела его состояние и понимала – нет, не сейчас, позже. Но она непременно задаст его, потому что неудовлетворенное любопытство разъедает изнутри, как ржавчина.

– Ты не представляешь, как я рада, что ты приехал, – искренне призналась Мышка, глядя на закурившего Хохла.

– С чего бы?

– А просто так. Я давно вас не видела.

– Так чего не приезжаешь?

– Боюсь притащить вам неприятности.

– Неприятности, Машка, это наше второе имя, – усмехнулся Женька. – Они всегда с нами, эти неприятности. И твой приезд вряд ли добавил бы нам еще что-то.

– Ой, а помнишь, как я к вам как-то после Нового года сразу прилетала? Вы еще тогда жили дома, и у вас Жорка гостил? – вдруг вспомнила Маша, и хмурое лицо Хохла разгладилось и озарилось улыбкой.

Это была веселая история, коих в жизни случалось куда меньше, чем грустных, страшных и трагичных. Мышка тогда прилетела к ним второго января, страдая от совокупности похмеля, головной боли и гипертонии. Женька обнаружил ее в аэропорту на скамье и чуть не зарыдал от смеха – видок у Марьи был точь-в-точь как у Коваль с глубокого похмеля. Те же черные джинсы и водолазка, черные волосы до плеч, большие солнечные очки посреди зимы, распахнутая норковая шуба и высокие сапоги, правда, Машка предпочитала шпильки, а не плоскую подошву. Женька донес ее вместе с чемоданом до машины, уложил на заднее сиденье, совсем как Марину, сунул термос с горячим чаем:

– Будет плохо – ори, остановлюсь.

Однако Мышка помотала головой, стянула очки с ненакрашенных глаз, обведенных естественной синевой, улеглась удобнее и уснула.

В итоге Женька с Марьей оказались единственными убежденными трезвенниками в доме на долгие восемь дней. В гостях как раз был Жорка – приятель Хохла и весьма известный шансонье, и вот вдвоем с Мариной они и расслаблялись. Мышке и Женьке оставалось только присматривать за этой парочкой, чтобы не бросили зажженную сигарету мимо пепельницы, да заставлять их хоть иногда поесть. Машка с удовольствием заменила отпущенную отдохнуть домработницу Дашу, готовила на всех, а Хохол исполнял функции носильщика и уборщика. Но самым забавным было даже не это...

Однажды вечером, когда Марина и Жора были еще практически трезвы, за столом завязался разговор, и Мышка, вспомнив свою медсестринскую практику, рассказала случай про пивную бутылку и указательный палец. Эта, в общем-то, «бородатая» история, неоднократно уже растиражированная известными и не очень юмористами, с завидной регулярностью повторялась пьяными в разных городах. И надо же было Машке именно об этом рассказать... разумеется, Жорка решил проверить это на собственном опыте. Чем закончилось, объяснять не нужно – палец певца надежно застрял в горлышке бутылки под оглушительный хохот Марины.

– ...мать твою! – расстроено протянул Жорка, разглядывая конструкцию из бутылки и пальца. – И что теперь делать?

– В больницу ехать, – мрачно констатировал Хохол.

– Да ну на фиг! Щас, гляди... – И не успел никто среагировать, как Жора со всей силы бабахнул бутылку о край стола.

Стекло разлетелось, попутно глубоко порезав певцу палец и ладонь. Кровь полилась, как на скотобойне – у пьяного человека она сворачивается куда медленнее. Это еще хорошо, что совершенно трезвая Машка крови не боялась и навыками оказания первой помощи владела прекрасно. Вдвоем с Хохлом они перевязали незадачливого экспериментатора, который, кстати, мгновенно протрезвел, и Машка печально уронила:

– Это еще хорошо, что я про лампочку не вспомнила.

– Про какую лампочку? – морщась от боли, переспросил Жора, но Хохол, выразительно показав Машке кулак, предупредил:

– Только открой рот – получишь. Лампочку я уже не переживу.

Они хохотали над этим случаем еще долго, а Мышка, видя выступления Жоры по телевизору, всякий раз вспоминала его растерянное лицо и бутылку на указательном пальце.

– Да-а, – протянул Хохол, слегка взбудораженный воспоминанием о забавном моменте. – Скажи, Машка – хорошее было время, правда? Хотя и крови было много, и тревоги постоянной. Но Маринка моя была, понимаешь? Моя!

Мышка снова насторожилась – уже не первый раз за сегодняшний день Женька заводил этот разговор, и это было подозрительно. Что-то произошло между ним и Коваль, что-то такое,

что заставило Хохла проделать такой путь до Сибири. Она спрыгнула со своего «наседа» на разделочном столе и подошла вплотную к опустившему голову Женьке. Коснувшись его волос, Маша прошептала:

– Жень... ну, что происходит, а? Я же вижу – у тебя внутри все болит. Скажи мне, ведь знаешь – от меня никуда не уйдет, и Маринка не узнает. Ну, нельзя же так себя сжирать...

Хохол прерывисто вздохнул, взял Машкину руку и прижал к лицу. Ему очень хотелось поделиться с Мышкой своей болью, но где-то внутри сидело опасение – а что, если эта информация окажется небезопасной для ее обладателей? Кто знает, как повернется жизнь дальше? Вдруг все, что он скажет, в какой-то момент начнет работать против Мышки? Ведь даже сейчас, по прошествии стольких лет, все, что связано с Коваль, продолжало быть опасным. Но, с другой стороны, у Хохла больше не было человека, с которым можно поделиться и быть уверенным в том, что поймут и не осудят. Мышка умела абстрагироваться от своей дружбы с Мариной и трезво оценить ее поступки, и зачастую это вызывало у Коваль если не гнев, то чувство обиды. Машка не умела принимать ее сторону безоговорочно, всегда видела, в каком моменте Марина повела себя неправильно или сказала не то, что нужно. Хохол же всегда мог рассчитывать на понимание, если только сам при этом не наворотил лишнего.

– Понимаешь, Марья... Она в последнее время совсем с катушек поехала. Пьет, гуляет ночами напролет, где и с кем – не говорит. Пацан переживает, нервный стал, дерганный – слова не скажи. А ей – хрен по деревне, является под утро, но иной раз трезвая совсем, прикинь? «Где была?» – «Пошел на фиг, не твое дело». Ну что мне – бить ее? Пробовал – не работает. А у меня потом такой осадок – как навоза нажрался.

Это как раз Мышка понимала. Попытки Хохла воздействовать на жену физически никогда не заканчивались успехом, скорее наоборот. Коваль вытирала кровь с разбитых губ, оказывала мужа ледяным взглядом, от которого тот испытывал желание забиться под диван, и уходила. В доме воцарялась тишина, и длилось это ровно столько, сколько Хохол был в состоянии выдержать. Недолго, в общем. Он чувствовал свою вину, свою ничтожность от того, что поднял руку на женщину, мчался за цветами, устраивал примирительные ужины и свидания – словом, как мог, зализывал и заглаживал вину. Коваль же и в голову не приходило обидеться или разозлиться – она слишком хорошо знала человека, с которым жила, и знала, как и куда надавить, чтобы превратить агрессивного волка в виляющую хвостом болонку. Женька злился, но всякий раз покорно исполнял свою роль в давно отрежиссированном и многократно обкатанном спектакле. Через время все повторялось снова, потом еще и еще...

– Вот ты неглупая баба, Машка, – закуривая очередную сигарету, проговорил Хохол. – Ну, скажи – ей чего не хватает? Что такое я еще должен сделать, чтобы она хоть раз восприняла меня всерьез, а? Чтобы без этого своего снисхождения вечного, без оглядки на то, что у нее там было с Малышом? Никогда не думал, что покойник будет так лезть в мою жизнь, в нашу жизнь!

– Жень...

– погоди, не перебивай! Накипело – взорвусь... Вот ты мне объясни – я разве что плохое ей когда сделал? Разве я ее не любил, не жалел, не берег? – И в этом месте Мышка вдруг отчетливо поняла – он говорит в прошедшем времени. В прошедшем – как будто все закончилось. – Я ведь на все для нее готов, на все – только скажи. Да и говорить-то не всегда надо. И разве я так уж много прошу взамен? Ведь самую малость же – чуть-чуть тепла и понимания. Мужу-то много и не надо – только уверенности в том, что он нужен.

Хохол замолчал, а Мышка подумала, что если такой уверенности нет изначально, то уже вряд ли когда-то она появится. Любовь и уважение нельзя выпросить, выбить – их можно только вызвать сразу, в какой-то один момент, или уже никогда не вызвать. Хохол ошибался насчет отношения Коваль к себе – она любила его, дорожила им, но не в той мере, в какой, наверное, это ему виделось в идеале. Но Мышка отчетливо понимала и то, что Марина вообще другая, она неспособна быть просто женщиной, женой, матерью, она никогда не умела этого. И

то, что было между ней и Хохлом сейчас, как раз и являлось тем максимумом, на который она была вообще способна, если не больше. Но почему-то в рассказе Хохла не хватало какой-то детали – Маша почувствовала это, потому что не верила в то, о чем Женька рассказал, что это происходило постоянно и вряд ли могло являться причиной его отъезда. Но не хочет говорить – не тянуть же клещами...

– Женька, я так устала – с ног валюсь, – призналась Маша вслух. – Может, отдыхать будем, а?

– Ты ложись. А мне-то еще рано – разница во времени ого-го какая, все равно не усну.

Маша побросала в раковину чашки, протерла стол и пошла к себе, подхватив под мышку ноутбук, а Хохол, щелкнув кнопкой чайника и сыпнув в кружку заварки из пачки, снова взялся за сигарету. Мысли о Марине никак не хотели покидать его голову, он уже клял себя за несдержанность и за то, что вспылil и уехал, даже не сказав, куда. Но изнутри поднималась обида – он прекрасно знал, что обрывать телефон, разыскивая его, Коваль ни за что не станет.

Лондон

Она действительно не искала его. И не чувствовала своей вины за то, что происходило. В конце концов, она не пятнадцатилетняя неразумная девочка, чтобы не иметь возможности самостоятельно решать, как и что делать. Когда Хохол, столкнувшись на улице с Николаем, заголосил о необходимости переезда в другую страну, Марина конкретно и жестко высказала свою позицию – никуда они не поедут. Лишать ребенка хорошего образования? Возможности достойно и нормально жить? Срывать его с привычного места, отрывать от друзей и тащить бог весть куда? Только потому, что паранойя Хохла достигла критической точки? Нет. Этого никогда не будет.

Хохол вспылил и уже размахнулся, чтобы ударить ее, но вдруг наткнулся на холодный взгляд голубых глаз, в котором отчетливо прочитал, что может забить ее тут до смерти, но «по его» не будет. Кулак врезался в стену над ухом Коваль, раскрошив штукатурку, но Марина не повела и бровью.

– А ты лучше разбегись – и лбом. Так нагляднее будет, – бросила она насмешливо, развернулась на каблуках и, оттолкнув его легонько, ушла к себе.

Она давно решила для себя – все, хватит. Больше никаких резких телодвижений вроде спонтанных переездов, что бы ни случилось. Да, появление Николая внесло легкую сумятицу – но и только. Марина ни на секунду не сомневалась в том, что племянник не узнает ее, даже столкнувшись нос к носу. Ее внешность уже давно и весьма кардинально отличалась от той, что была прежде. Сделав Хохлу подарок в день свадьбы в виде удлиненных и выкрашенных в черный цвет волос, она рассталась с ними в тот же день, как вернулась в Бристоль. Короткая платиновая стрижка и зеленые линзы – все это стало верными спутниками, если Марина собиралась выйти на улицу. Постепенно она приучила себя как можно реже носить черное или хотя бы «разбавлять» образ чем-то цветным. Единственной проблемой оставалась трость, но с этим, увы, справиться оказалось не под силу даже железной Наковальне. В моменты ремиссии она могла какое-то время обходиться без подпорки, но это требовало почти нечеловеческих усилий, и Марина в конце концов махнула рукой – трость, так трость. Хуже было другое...

В последнее время вдруг активизировался дорогой родственник Гришка, и вот это беспокоило Марину куда сильнее перспективы быть узнанной племянником. Началось все с истории с маленьким Грегом, когда Бес, не посчитавшись с родственными узами, связывавшими его с мальчиком, пошел на шантаж, угрожая рассказать ему о его истинном происхождении. Тогда выручил Женька. Верный Хохол, считавший Егора-Грегори своим сыном, не мог позволить, чтобы кто-то причинил ребенку страдания. Совсем недавно мальчик сделал открытие о том, что Женька ему не отец, и Марине стоило огромных трудов сохранить хрупкое равновесие в семье. Сейчас настал момент Женьке отплатить ей тем же. Успев выхватить мальчика из рук шантажиста, присланного Бесом, заработавший сердечный приступ Хохол категорически запретил Марине говорить Егору хоть слово о том, что она ему – не родная мать. Коваль в тот момент уже приняла решение открыть сыну правду, но Женька, с трудом сжав слабыми пальцами ее запястье, еле слышно потребовал не делать этого.

– Он еще совсем пацан... дай ему подрасти. Он может не выдержать сейчас... только-только оправился от одной новости, от моего ареста... да и сегодня... Послушай меня, котенок, не говори – не время сейчас...

Она впервые в жизни прислушалась и передумала. Этот поступок еще долго удивлял саму Марину – как, почему она не сказала сыну, раз уж решилась? Что такого сумел внушить ей Хохол, что заставило ее передумать и отступить? Но, так или иначе, пока Грег не знал ничего, и это заставляло Марину все время быть начеку.

...Нестерпимо ныло все лицо, чесалась кожа под повязкой, и Марина, переменив положение в больничной кровати, взяла с тумбочки маленькую фотографию сына. Егорка все сильнее становился похож на отца, и это очень радовало Коваль, боявшуюся найти в лице сына что-то от его настоящей матери. Но нет – те же губы, тот же нос, те же глаза, что у Малыша. Его сын, его плоть и кровь – пусть и рожденный другой женщиной. Марина любила его как родного с первой секунды, едва взяла на руки. Проклятый Бес – ну, почему она должна постоянно оглядываться? Сколько еще он будет возникать в их жизни и оставлять грязные отпечатки?

Марина не стыдилась своего прошлого, считая, что просто сумела стать выше обстоятельств и выживать так, как предлагали конкретные условия в конкретный момент. Да, пришлось побарахтаться в крови и грязи, но когда выбор стоял – она или ее, – не приходилось особенно разбираться в моральной стороне вопроса, нужно было просто выжить. И рядом всегда был Женька...

Сейчас его не было, и место его нахождения Марину не очень интересовало. С годами она не стала мягче, а характер не изменился в сторону «облегчения», и Хохол тоже это знал. И накатанная схема отношений, в которых он никогда не чувствовал себя мужчиной, работала безотказно, и он никак не мог разорвать этот круг, всегда снова и снова вставая на те же рельсы. Может, потому-то Марина и не волновалась по поводу его внезапного исчезновения, потому что знала – рано или поздно он вернется с видом побитой собаки, ляжет у ее ног и будет из кожи вон лезть, чтобы заслужить прощение. Как знала и то, что неизбежно простит его. Невозможно выбросить столько лет жизни, проведенных вместе, невозможно расстаться с человеком, не раз спасавшим ее жизнь, и чью жизнь не раз спасала она сама. Это уже даже не любовь – это какая-то совсем иная связь, на совершенно другом уровне. Это – как взаимное проникновение, когда один пророс в другого, и невозможно разделить эту укоренившуюся и давшую новые ростки систему. И в глубине души Марина часто соглашалась со словами Хохла о том, что «с ней невозможно, а без нее – вообще труба» – потому что сама чувствовала то же самое.

Но как обезопасить себя и сына от новых посягательств Беса? Вот что занимало ее куда сильнее, чем ссора с Хохлом. Собственно, новое лицо нужно ей как раз для этого...

Сибирь

«Определенно, с Машкой что-то происходит, – думал Хохол, совершая свою утреннюю пробежку в сторону небольшого лесочка, расположенного в пяти минутах быстрого бега от Машиного двора. – Странная она какая-то, дерганая, будто боится чего-то. И ведь не скажет ни за что».

Вот уже три дня, как он жил в квартире Марининой подруги, и с каждым днем в нем крепла уверенность в том, что с Машей что-то не то и что это «не то» никак не связано с ее болезнью. Украдкой обследовав небольшую соломенную корзинку, в которой Марья хранила лекарства, употребляемые каждый день в определенной последовательности, он обнаружил несколько упаковок антидепрессантов, которые когда-то раньше назначали Марине.

– Странно, – пробормотал он, крутя в руках коробочку. – С чего бы это ей увлечься таким? Вроде как не выглядит особенно депрессивной-то.

Женька отлично знал признаки Машкиной депрессии, она пребывала в этом состоянии несколько раз, когда прилетала к ним, но сейчас ничего подобного заметно не было. Тогда к чему препараты? И куда она уходит каждый день? И почему возвращается с таким опрокинутым лицом? Странно это все...

Идея хотя бы раз проследить за Машкой приходила ему в голову, но Хохол плохо знал город, а потому справедливо опасался, что не сможет вовремя скрыться с Машкиных глаз и этим настроит ее против себя. Но неприятное чувство близкой опасности не покидало его, и Женька просто не мог позволить себе сидеть и пассивно наблюдать за тем, как что-то произойдет с Марьей. И поэтому он решил...

Назавтра он выбрал момент, когда Маша начала собираться, и тоже взялся за джинсы и свитер.

– А ты куда? – удивленно спросила она.

– Пройдусь, – коротко бросил Женька, но дотошная Машка вцепилась в него не хуже Коваль:

– Куда пройдешься? Ты города не знаешь совсем.

– Ну, я же как-то в Бристоле живу, языка не зная почти, а уж тут-то как-нибудь объяснюсь, – спокойно ответил он, продолжая собираться.

Маша пожала плечами и ушла, оставив ему связку запасных ключей. Хохол проследил из кухонного окна, в какую сторону она направилась, наскоро накинул куртку и ботинки и помчался следом. Тонкая фигура в черном пальто маячила впереди метрах в ста, Женька осторожно шел следом, стараясь держаться ближе к стенам домов или к людям, шедшим перед ним. Он напряженно думал о том, что делать, если вдруг Маша обернется – с его ростом и габаритами спрятаться за ближайшим голым деревом удастся вряд ли. Но она не оглядывалась, шла по какому-то намеченному маршруту, и он следовал за ней. Через двадцать минут они оказались перед желтым кирпичным зданием, и Мышка вошла внутрь, а Хохол, приблизившись, прочитал надпись на вывеске. Это был дворец культуры, и Женька мрачно сплюнул – Машка шла всего-навсего на работу. Но от его внимательного взгляда не ускользнуло то, как она чуть замешкалась на крыльце, уже взявшись за ручку двери, и коротко глянула на автомобильную парковку, расположенную метрах в пятидесяти от здания. Там стояли старенькие «Жигули» – семерка со значком такси на крыше, две «Хонды» и золотистый джип – «Тойота-харриер». Женька мог поклясться, что видел, как Маша вздрогнула всем телом и почти рывком открыла дверь, словно старалась поскорее скрыться, спрятаться в здании. Но вот какая из машин так привлекла ее внимание и – больше того – испугала?

Хохол укрылся от пронизывающего ветра в закутке между крыльцом и входной дверью, закурил, внимательно рассматривая машины и раздумывая, что делать дальше. Внезапно

из джипа вышел молодой мужчина в короткой дубленой куртке и синих джинсах и быстрым шагом направился к зданию. Что-то внутри у Женьки тихо пискнуло – вот она, опасность, смотри внимательно. Рассмотреть мужчину не получилось – он пролетел мимо слишком быстро, словно куда-то опаздывал, и Женька успел только заметить чуть седые на висках волосы и резкий профиль. От мужчины пахло чем-то острым, знакомым и почему-то вызывавшим ощущение угрозы. Хохол хотел было проследовать за ним, но потом решил остаться – все равно пройти мимо незнакомцу не удастся, а уж когда он выйдет, Женька решит, как поступать дальше. На всякий случай он отметил, что в «Жигулях»-такси водитель сидит на месте, и, если что, можно будет воспользоваться его услугами.

Ждать пришлось довольно долго, Хохол чувствовал, как начали подмерзать ноги – все-таки февраль, Сибирь. Он топтался на месте, куря сигарету за сигаретой, и напряженно ждал чего-то. Но вот дверь распахнулась от удара, и незнакомец быстрым шагом проследовал к машине, не обратив на Хохла никакого внимания. Зато тот прекрасно разобрал процеженную сквозь зубы фразу «Ну, сучка, ты у меня попрыгаешь еще!», которую мужчина выдал, как раз поравнявшись с Женькой.

«Ух ты, какой грозный... Это мы еще посмотрим, кто и как попрыгает», – подумал он, направляясь к такси.

– Шеф, свободен? – наклонившись и постучав в окошко, спросил Хохол, и таксист согласно кивнул:

– Садись.

– Мне во-он за тем джипом – сможешь? – Хохол взгромоздился на сиденье и показал на выворачивающий с парковки «харриер».

– Да запросто – если он шибко не погонит, – заверил пожилой суховатый старичок-водитель, заводя машину.

– Да у вас тут где гнать-то? – искренне изумился Женька, прекрасно знавший дорогу до Машкиного дома – она была узкой, двухполосной и почти всегда сильно загруженной машинами, а водитель джипа как раз на нее и выворачивал.

– Ну, знаешь, дураков-то полно, – ухмыльнулся старичок, следуя за «харриером» через две машины. – А этот, похоже, псих – слышал, как тормозами взвизгнул, когда разворачивался? Наберут машин дорогих, тьфу!

Хохол ухмыльнулся – родная классовая ненависть к тем, кто заработал больше тебя.

– Ты, батя, меньше критикуй – быстрее ехай, – проговорил он, напряженно следя глазами за удаляющимся джипом. – Потеряем же клиента.

– А ты не бойся, сынок, – в тон ему отбрил водитель. – Тут шибко ехать некуда – либо в больницу, либо в жилмассив на гору. Вот туда он и поливает, если я правильно понял.

Джип действительно несся в гору, миновав поворот на больницу, в которой раньше работала Марья. Старичок-водитель больше ничего не говорил, но дистанцию держал исправно, а когда джип завернул в один из дворов, объехал с другой стороны и припарковался так, что Хохол прекрасно увидел, как водитель джипа сдает задом, пытаясь вклиниться на маленькую парковку между двумя машинами.

– Спасибо, батя. – Женька вынул из кармана пятисотку и протянул водителю.

– Сдачи нет, – буркнул тот, но Хохлу уже не терпелось избавиться от ставшего ненужным свидетеля, а потому он только махнул рукой и вышел из машины.

Таксист рванул с места так, словно боялся, что пассажир передумает. Женька же, закулив, наблюдал за маневрами водителя джипа. Тому наконец удалось припарковаться, и, выйдя из машины, он направился к подъезду стоявшей напротив парковки пятиэтажки. Хохол медленно двинулся следом, надеясь, что на подъездной двери нет домофона. Ему повезло, дверь была обычная, деревянная. Тихо открыв ее, Женька вошел в полутемный подъезд и замер, прислушиваясь к шагам на лестнице. На цыпочках он поднимался следом и на нижней площадке чет-

вертого этажа замер, отпрянув к стене, – подняв глаза, заметил незнакомца, отпирившего ключом дверь. «Отлично, братан, теперь я кое-что о тебе знаю», – подумал Хохол, дожидаясь, пока дверь захлопнется. Он поднялся на этаж, внимательно осмотрел замок и подумал, что сюда без проблем можно подобрать отмычку – такой замок он в состоянии открыть даже маникюрной пилочкой. «Надо будет пару дней попасть в эту квартирку и этого красавчика. Посмотреть, чем дышит и живет. Может, это мне поможет как-то».

Решив, что на сегодня хватит, Хохол вышел из подъезда и направился в сторону проезжей части – ловить такси и ехать домой, пока не вернулась Машка.

Бристоль

Виктор Иванович Коваль чувствовал себя в Англии неуютно. Эта страна навевала на него непонятную сонливость и оторопь, как будто много дней не спал, а теперь уже просто не можешь. Если бы не просьба Марины побыть с внуком то время, что она проведет в больнице, он ни за что бы не поехал сюда. Но дочь просила – и он не смог отказаться. К тому же возможность провести время с Егором согревала сердце старого журналиста и мирила с вынужденной сменой места. Мальчик очень вырос и изменился за то время, что Виктор Иванович его не видел, и теперь их дни были наполнены разговорами, прогулками и совместным просмотром фильмов и познавательных программ кабельного канала. Егор росмышленным не по годам, обладал острым, пытливым и каким-то недетским умом, и деду порой непросто давались ответы на его неожиданные вопросы.

– А ты видел моего папу? – спросил мальчик как-то за ужином.

– Конечно – вы же вместе приезжали. – Виктор Иванович грел молоко в микроволновке, чтобы можно было развести в нем ложку меда – лучшее снотворное для ребенка придумать трудно.

– Нет, ты не понял. Я не про Женю спросил, а про папу, – уточнил Егор, и старик вздрогнул.

Он знал, что Марина давно не делала секрета из того, что Евгений мальчику не родной отец, но подобные вопросы все равно ставили его в тупик.

– Я не совсем понял...

– Ну, дед! Ну, что ты со мной, как с маленьким? – в русской речи Егора слышался сильный английский акцент, и это удручало Виктора Ивановича. Он упросил Марину разрешить ему говорить с внуком по-русски, и она согласилась, хотя считала, что это не совсем правильно – мальчик должен говорить на языке той страны, в которой вырос и живет.

– Я с тобой, как с равным, – ровным тоном возразил старик. – Что конкретно ты хочешь от меня?

– Я хочу, чтобы ты рассказал мне про моего папу. Про родного папу, – уточнил Егор, глядя в лицо деду тем самым «фирменным» взглядом, на который была так горазда его мать.

– Если сейчас ты выпьешь молоко, а потом быстро почистишь зубы и пригодишься ко сну, я расскажу тебе все, что тебя интересует.

– Я даже могу помыть посуду! – радостно подпрыгнул Егор, но дед быстро охладил его пыл:

– Нет уж! Вчера ты ухитрился разбить чашку и блюдце, так что лучше уж я сам, а ты пей молоко и занимайся приготовлениями ко сну.

Лондон

В то время как в Бристоле Виктор Иванович разговаривал с внуком, в одной из частных клиник Лондона Марина полусидела в постели и мучилась желанием закурить. Категорический запрет врача выразился в том, что единственную пачку сигарет и зажигалку у нее все-таки забрали, и теперь Коваль физически ощущала, как внутри разливается злость.

«Надо же – я из-за отсутствия сигареты, оказывается, готова убить кого-нибудь», – изумленно думала она про себя, стараясь отвлечься от своего желания. Это удавалось плохо, и она решила пройтись по палате, надеясь, что движение отвлечет от мыслей о сигаретах. Очень хотелось позвонить домой, сыну, но она убеждала себя не делать этого. Марина до сих пор не могла придумать, как объяснить Грегу изменения, произошедшие с ее лицом. Ведь нельзя же сказать ребенку, что его маму могут ненароком узнать, а она этого не то чтобы боится, но... не очень хочет. Да и о предстоящей поездке в Россию рассказывать сыну Марина тоже не собиралась. А ехать нужно – она прекрасно понимала, что никто не сможет утрясти проблему с Бесом, кроме нее.

Она давно решила для себя, что должна поговорить с Бесом и выяснить, наконец, все вопросы. Сколько можно жить под занесенным над головой топором? Марина не очень рассчитывала, что наглый и жадный родственник согласится с ее мирными доводами и пойдет на компромисс, а потому была готова и к более решительным действиям. «Черт подери – я так стремилась забыть все, что умею, так хотела жить спокойно... Но прошлое – оно как гири на ногах, постоянно тянет вниз», – думала она, мерно вышагивая из угла в угол по больничной палате. Картины прошлого уже несколько месяцев мучили ее, являясь в снах и заставляя просыпаться среди ночи от жуткого сердцебиения. Никогда прежде Коваль не испытывала подобного. Когда-то давно она говорила тому же Бесу, что призраки прошлого не являются к ней в кошмарах и не стоят перед глазами немым укором. Как будто сглазила...

Меньше всего на свете ей хотелось затевать какие-то разборки с Гришкой, но и терпеть его нападки и мелкие пакости тоже сил уже не осталось. Можно было, конечно, послушаться Хохла и переехать – благо, денежных трудностей у них не было, но как жить, постоянно бегая из-под одного куста под другой, стараясь скрыться и спрятаться? И так жизнь не совсем легальная, паспорта чужие... А сын растет, ему учиться надо. Нет, с Гришкой нужно решать кардинально...

Сибирь

Хохол лежал на диване в квартире Мышки и с нетерпением ждал ее прихода. За время, что она отсутствовала, Женька успел тихонько взлезть в ее ноутбук и покопаться там. Ничего интересного в папках – какие-то тексты, сметы, заявки на участие в конкурсах бального танца, фотографии Алены. Насторожило его другое – при попытке войти в почту он встретил требование ввести логин и пароль. Даже Марина всегда держала почтовый ящик авторизованным, чтобы не мучиться с вводом пароля всякий раз, а Мышка, у которой этих самых ящиков обнаружилось пять штук, выходит, постоянно делала это. Зачем? Есть что скрывать? Видимо, есть. И он, Женька, должен непременно докопаться до сути – иначе потом не простит себе, что чего-то не предпринял.

Он позвонил Митричу – старому своему приятелю, который здорово помог ему в разборках с шантажистом Беса, прислав в Англию своих сыновей-близнецов. Сейчас, в чужом городе, Митрич был нужен как воздух – связи старого вора могли здорово пригодиться.

– Здорово, Хохол, – сразу откликнулся Митрич, словно ждал именно этого звонка.

– Как сам-то, Митрич?

– Скриплю мало-помалу. Дело есть – говори, чего политес разводить. Поди, не про здоровье поговорить звонишь-то.

Хохол рассмеялся:

– Поймал. Дело есть, как не быть... У тебя, случайно, нет спецов, которые в компьютерах волокут?

– Хакеров, что ли? – хмыкнул старик. – Надо будет – найдем. А ты где?

– А вот это проблема, Митрич. Не дома я. – В какой-то момент Женька вдруг заколебался – а стоит ли открывать свое истинное пристанище или попытаться запутать старика, но потом решил, что со стороны Митрича ждать подвоха не стоит, и потому назвал город.

– Эвон куда занесло-то! – удивленно ахнул Митрич и зашелся кашлем. – Тьфу, зараза... Чего это ты в Сибирь-то забрался?

– Да так... – уклонился Женька, не желая посвящать старика в свои личные проблемы. – Ну, так что – поможешь?

– Фартовый ты, Женечка, – после паузы заговорил Митрич, снова тяжело и надсадно кашляя. – Есть человечек аккурат там, где тебе надо. Телефончик сейчас продиктую, пиши. Скажешь – от меня, он все и сделает в лучшем виде.

Хохол встал и направился к небольшому компьютерному столу, на верхней полке которого стоял стакан с карандашами и ручками и валялся блок розовых стикеров. Этот стол, как и компьютер, принадлежали Машиной дочери – сама Мышка уже несколько лет обходилась ноутбуком, исключительно из-за возможности работать на нем полулежа в постели. Аленыны предпочтения в цветах выражались не только в розовых стикерах и карандашах – клавиатура и мышь тоже были ярко-розового оттенка. Хмыкнув, Женька взял карандаш и пачку бумажек, записал номер и, поблагодарив старика, попрощался.

Хакера звали Кибер – вряд ли это было его реальное имя, но Хохол не стал задумываться над этим. Какая разница, кто он там по паспорту – да пусть хоть Авессалом, лишь бы сделал то, что ему нужно.

Оторвав верхний стикер и бросив пачку обратно на полку, Женька спрятал листок в карман, решив, что сейчас звонить не станет – Маша может вернуться с минуты на минуту, а потому лучше отложить разговор с хакером на завтра. Ночью ничего не произойдет, Марья никуда не денется.

Она вернулась взвинченная и бледная, швырнула сумку в кресло и, опустившись на край дивана, принялась расстегивать сапоги, но на одном «молнию» заело намертво, и Маша, рванув изо всех сил, выдрала «собачку» с куском ленты, а снятый сапог отшвырнула в другой конец коридора.

– Да что за день-то?!

Хохол с легкой усмешкой наблюдал за происходящим и ждал, когда Марья, успокоившись, сама объяснит причину своего поведения. Или не объяснит – как пойдет.

Она убрала пальто в большой шкаф, задвинула зеркальную дверь и снова бессильно опустилась на диван.

– Ну что с тобой? – участливо спросил Женька, присаживаясь рядом. – Плохо себя чувствуешь?

– Ужасно, – призналась Маша, глядя в полные сочувствия глаза Хохла. – Все через одно место...

– Маш... – осторожно начал Женька, беря ее за руку. – Ты скажи – случилось что?

Этот простой и, в общем-то, вполне невинный вопрос почему-то привел Машу в ярость. Она вырвала руку, вскочила и закричала:

– Что ты-то лезешь?! Куда?! Ну, скажи – куда и зачем?! Тебя только и доставало! – Она убежала в спальню и грохнула дверь.

«Да, как раз меня и доставало, – подумал Женька, только утвердившийся в мысли, что у Марьи не все ладно. – И вот я здесь, дорогуша, нравится тебе это или нет».

Утром Маша не встала с постели, слабым голосом попросила принести чаю. Хохол испугался не на шутку и предложил вызвать врача, но Маша только отрицательно помотала головой:

– Ты ведь знаешь, что при моей болезни «Скорая» – вещь бесполезная. Я полежу сегодня, на работу не пойду.

– Тогда лежи. А мне надо отлучиться.

– Куда?

– Маш... ну, приятель нашелся у меня тут, случайно совсем. Сидели вместе, – на ходу сочинял Женька, моля бога, чтобы обычно дотошная Марья сейчас не вцепилась в него с расспросами. Но ей было не до того – лицо заливалось мертвенной синевой, руки, лежавшие поверх одеяла, заметно подрагивали, и Хохол начал колебаться. – Слушай, Маш... давай-ка я не пойду никуда, а? – предложил он.

– Нет, ты иди... со мной все нормально... я уже привыкла, к вечеру все будет хорошо.

И Женька понял, что ему действительно лучше сейчас уйти и не стеснять Машку своим присутствием.

Он вышел на улицу и поежился – дул отвратительный холодный ветер, сопровождавшийся мелким и каким-то острым, как сотни маленьких осколков, снегом. Накинув капюшон куртки, Хохол закурил и направился к остановке, надеясь там взять такси и уехать к дому вечерашнего незнакомца. Женька собирался на месте посмотреть, что и как, и при возможности постараться проникнуть в квартиру – благо, сейчас раннее утро.

Джипа на парковке не оказалось, а в окнах квартиры не горел свет – но это вовсе не значило, что дома никого нет. Хохол поднялся по лестнице и прижался ухом к двери. Ничего не было слышно, хотя дверь была обычной, не бронированной, не двойной – в этом он разобрался. Оставался старый проверенный метод – нажать кнопку звонка и быстро подняться вверх – или спуститься вниз и прижаться к стене так, чтобы его не было видно с лестницы. Прошло несколько минут, но никаких движений в квартире не происходило, и Женька решил рискнуть.

Он натянул приготовленные резиновые перчатки и вынул из кармана пару купленных вчера в той же аптеке медицинских бахил. Никогда не мешала предосторожность...

Замок поддался легко, дверь не скрипнула. Женька вошел в прихожую и огляделся. Ничего интересного, мужская одежда на вешалке, обувь на полке, типичная холостяцкая квартира. Одна дверь ведет в кухню – виден угол белого стола и спинка задвинутого стула, вторая, распашная – в большую комнату. Небольшой коридор оканчивался в глубине квартиры еще одной дверью, которая, к великому удивлению Хохла, оказалась заперта. Поковырявшись в замке, он открыл ее и замер от ужаса – вместо обоев вся небольшая комната была оклеена Машкиными фотографиями... С пола до потолка – Машка в разных видах и разных образах, множество качественных черно-белых фотографий всех размеров. Однако с первого взгляда было понятно, что делались эти снимки без ведома модели, потому что ни на одном из них Машка не смотрела в объектив и вообще не позировала. Это были случайные, хоть и очень хорошие и четкие кадры.

– Ну, только этого не хватало! – с досадой пробормотал Хохол, закрывая дверь и на цыпочках выходя обратно в прихожую. – Маньячина какой-то... То-то Машка дерганая такая... И, видимо, знакомы они прекрасно – иначе откуда такие снимки? Это профи снимал, слепому видно, хоть и сидел всякий раз в кустах.

Он аккуратно осмотрел все, что мог, в квартире и был вознагражден еще кое-какими крошками информации. Оказалось, что зовут незнакомца Максимом Церпицким, он работал стоматологом и, судя по обнаруженной аппаратуре, увлекался фотографией.

– Н-да, особо не продвинулся, но кое-что узнал, и то хорошо, – пробормотал Хохол, решив, что делать ему в этой квартире больше нечего.

Он снова оказался на улице, закурил, прячась от пронизывающего ветра за угол дома, и принялся раздумывать, что делать с информацией. Нужно все-таки посмотреть Машкину почту – мало ли. Но для этого необходим хакер. Женька вынул мобильный и розовый листок с номером, набрал и через несколько минут уже шагал к остановке, решив попутно заглянуть в супермаркет, который он видел, проезжая.

Решив порадовать разболевшуюся Марью, Хохол купил ее любимую рисовую лапшу, которую умел отлично готовить по-японски, с кунжутом и креветками, а также обнаруженный, к его удивлению, в магазине тофу и смесь для мисо-супа.

– Недурно стали жить в Сибири, – пробормотал он под нос, направляясь к кассе.

Молодая кассирша в испуге отпрянула, когда он положил перед ней кредитку, и Хохол сперва не понял, в чем проблема. И только переведя взгляд на свои руки, догадался. Это неприятно укололо, хотя никогда прежде он не реагировал так остро на посторонние взгляды, если рядом не было Марины. Он нахмурился и едва удержался от желания моментально натянуть перчатки. Быстро сгрузив покупки в пакет, он вышел и нырнул в ожидавшее его такси.

Дома было тихо, но Маша, когда он осторожно заглянул к ней, не спала, сидела с книжкой в постели, укутавшись в теплый халат.

– Ты долго, – улыбнулась она, оторвавшись от книги. – Голодный?

– Есть маленько. – Хохол снял куртку и прошел в кухню. – Ты лежи, не вставай, – услышав возню в спальне, велел он. – Я тебе сейчас вкуснейшую штуку приготовлю – пальчики оближешь.

– Я помогу. – Маша уже стояла на пороге кухни все в том же длинном теплом халате и толстых вязаных носках.

– Нет уж, подруга, ты садись-ка вот сюда. – Женька бережно подвел ее к стулу у окна и усадил. – А я сам все сделаю.

Он вымыл красное яблоко и сунул Маше, как ребенку, и она, благодарно улыбнувшись, взяла:

– Надо же – ты помнишь, что я ем только такие?

– Я помню, как когда-то зимой с пацанами мотался по городу в поисках этих чертовых яблок и нашел только в какой-то занюханной палатке у таджика, – хохотнул Женька, повязывая фартук. – Помнишь, ты тогда после больницы к нам приехала?

– Помню. Я часто к вам приезжала после больницы.

Она хрумкнула яблоком и замолчала, думая о чем-то своем. Хохлу на секунду пришло в голову, что вот сейчас можно задать ей вопрос об этом Церпицком, но потом, взглянув на бледное Машкино лицо, решил, что не стоит торопиться. Не сейчас.

Он взялся за приготовление мисо-супа и лапши, чем несказанно удивил свою приятельницу – та знала о нем многое, но вот то, что он прекрасно готовит японские блюда, явилось открытием.

– Ну а как ты думала? – помешивая в кастрюльке ложкой, вздохнул Женька. – Имея женой Марину Викторовну, еще не то выучишься делать. Она ж меня, как болонку, дрессирует.

– Ой, да прекрати, – отмахнулась Маша, грызя яблоко. – Это тебе вечно мерещится. Ты сам, по своей воле и по собственному желанию делаешь все, что ей нравится. Если хочешь знать, так она дорожит тобой, как никем.

– Заметно, да? Меня вот уже три недели нет в Англии – ты слышала хоть один телефонный звонок от нее? – Женька отложил ложку и взялся за острый нож-тесак и креветки.

– Три недели?! – ахнула потрясенная Маша. – Это что же у вас такое стряслось, что ты три недели в бегах?!

– Кто сказал – в бегах? – Хохол невозмутимо резал креветки, превращая их в фарш. – Может, в изгнании.

Маша внимательно посмотрела на него, но Женька не отреагировал, словно для него не существовало сейчас ничего важнее мелко порезанных креветок. Он сбросил полученную массу в кастрюлю и отвернулся к раковине, зашумел водой.

– Женька... я, может, не понимаю чего-то, – осторожно начала Маша, – но ты объясни... вы ведь мне не чужие совсем. Я так переживаю, когда вы ссоритесь, мне неприятно слышать об этом и еще больше неприятно быть свидетелем. Почему даже через столько лет вы никак не поймете, что у вас обоих нет никого на этом свете? Теперь-то уж точно никого... Как можно настолько не беречь друг друга, не хранить то хрупкое, что есть между вами?

Хохол вдруг брякнул ножом о стенку раковины и резко развернулся лицом к Маше, так, что ее обдало ветром:

– Машка, вот ты добрая – дальше некуда. Прямо крыльями сейчас захлопаешь! Мне при тебе даже матом крыть неудобно, чтобы святость твою не измарать ненароком! – негромко и зло заговорил он, заставив Машу невольно отпрянуть к окну. – Ты вот все в хорошее веришь, да? А где оно, хорошее-то это? Вот во мне – где, а? Я народу положил столько, что тебе эту кучу трупов даже не представить – воображения не хватит! А ты сидишь со мной в одной квартире, и даже в голову тебе не приходит, что меня бояться нужно – бояться, а не в дом пускать, понимаешь?! И Маринка – такая же! Такая же – и потому со мной! И хлещемся мы постоянно как раз потому, что все стараемся примерить на себя шкуру «нормальных людей», а она мала нам, шкура эта – и мне, и ей! Не по размеру, понимаешь? И когда начинает она давить со всех сторон, душить так, что глаза из орбит лезут от «нормальности», – на ком отыграться? Правильно – на самом близком, на том, за кого порвать и убить в случае чего не задумаешься. Потому и происходит вся эта свистопляска у нас.

Он тяжело задышал и вышел в коридор за сигаретами, долго шарил в карманах куртки в поисках пачки и зажигалки, а когда вернулся, Маша сидела с прикуренной уже сигаретой и смотрела на него насмешливо.

– Выступил? Полегчало? Ты что же – меня решил напугать? Меня?! Очень страшно, Женя. Поджилки затряслись. Я еще и не такое видела, так что не пыжься особо-то, вдруг лопнешь?

Он захохотал первым, признавая свою неправоту и глупость нелепой и необоснованной бравады. Действительно, кому он предлагал бояться? Мышке, отсидевшей в заложниках у Ашота с прикованной к батарее рукой? Мышке, попавшей однажды прямо из клуба в СИЗО с пакетиком кокаина, заботливо подброшенным в карман ее джинсов? Мышке, чувствовавшей холод пистолетного ствола кожей лба на работе, когда она пыталась не впустить в палату разъяренного охранника одного криминального авторитета? Глупо и как-то совсем не по-мужски – как будто рисовался перед чужой девчонкой, чтобы склеить ее на часок-другой.

– Мань... ты это... прости, ладно? – отсмеявшись, почти виновато произнес он, опираясь о спинку стула, на котором она сидела, и утыкаясь лбом в ее макушку. – Что-то я совсем старый стал... берега путаю...

Она потрепала его рукой по затылку и рассмеялась в ответ:

– Хорошо, давай забудем. Только больше не старайся напугать меня – я уже давно мало чего боюсь.

«Ну, судя по твоему маньячку – есть еще люди, способные тебя напугать, и это, наверное, даже хорошо», – подумал Женька про себя, снова отходя к плите.

Лондон

Она впервые покинула пределы больничной палаты – захотелось свежего воздуха, хотя это в городских условиях понятие весьма относительное. Но хотя бы не четыре больничные стены.

Марина бродила по небольшому парку-садику вокруг здания клиники, то и дело ловя себя на мысли о том, что прежде, много лет назад, ей и в голову не могло прийти, что будет она вот так запросто прогуливаться в заграничном парке, что к ней будут вежливо обращаться, про-износя имя чуть ли не с придыханием, предупреждать каждое желание и почтительно открывать двери, если вдруг она решит войти или выйти. Ее детство совершенно не походило на то, какое она старалась дать своему сыну. Даже подумать не могла тогдашняя Марина Коваль, что ее ребенок будет учиться в престижной английской школе с перспективой поступления в не менее престижный колледж, что у него будет все, о чем только может мечтать мальчик его возраста. А главное – что его будут окружать только любовь и забота, а не синие морды собутыльников вечно пьяной мамы. Она давно перестала обвинять свою мать – какой смысл? Та просто оказалась слабее обстоятельств, поплыла по течению, как щепка, подхваченная бурной волной, и так и захлебнулась, не сумев обрести почвы под ногами и не найдя в себе сил для борьбы с уносившей ее все дальше волной. Марина же оказалась совершенно иной. Но, возможно, не будь рядом именно такой матери, у нее не было бы необходимости выживать, выгрызть себе право на существование, не было бы нужды закалять характер и волю. Возможно, в процессе этой закалки Марина перестаралась и сделала излишне уж сильной, совсем не такой, какой должна быть женщина. Но она понимала и то, что именно характер и внутренняя сила позволили ей не сломаться и не спасовать ни разу в той жизни, которую она вела. Что бы ни случалось – Коваль находила в себе силы встать, распрямиться после любого удара, пойти дальше и – ответить. Непременно ответить обидчику, да так, чтобы долго помнил. И только один человек сумел избежать удара – Бес.

«Ничего, это я исправлю, – ожесточенно думала она, вышагивая по аккуратной аллейке, вдоль которой тянулись небольшие скамейки на кованых ножках. – Хватит терпеть. Я и так ему слишком много позволила благодаря родству с Егором. Но теперь даже это не может стать препятствием, видит бог – я слишком долго терпела».

У нее накопилось много вопросов к «дорогому» во всех смыслах родственнику. Было и то, что тянулось еще из прошлого и за что Марина тоже собиралась спросить с совершенно зарвавшегося Григория. Коваль, хоть и имела в свое время очень много в смысле материальных благ, в делах придерживалась все-таки умеренности и лишнего никогда не хотела, хоть и своего не отдавала. Бес же принадлежал к тому типу людей, которым сколько ни дай – все мало. Он старался урвать везде, где можно, и даже там, где нельзя. Последнее относилось к жене его погибшего брата Егора. Даже родство не могло охладить стяжательства, свойственного Гришке, и это злило не только Марину, но и Хохла, который неоднократно предлагал решить вопрос с Бесом раз и навсегда. Но Марина колебалась и оттягивала этот момент. Разумеется, это все привело к весьма печальным последствиям, и теперь ей пришлось-таки принять довольно трудное решение. И Хохла, увы, рядом с ней не было, и она даже не знала, где он.

Неожиданно Коваль почувствовала боль – ноющую боль в груди, но не физическую, а какую-то душевную, моральную. Она вдруг осознала – прошло три недели с его последнего звонка, а она даже не знает, где и с кем ее муж. Ей и в голову не пришло позвонить и выяснить это.

Марина замерла посреди аллейки, как статуя, не в силах идти дальше. Осознание собственной черствости и жестокости – в который раз! – заставило ее схватиться за сердце и чуть слышно охнуть.

– Господи... какая же я все-таки сволочь... – прошептала она. – Как я могла...

Она выхватила телефон и принялась набирать знакомый номер, но механический голос сообщил ей, что абонент недоступен.

– Недоступен... – повторила Коваль чуть слышно. – Надо же – какое страшное слово, оказывается. Сто раз его слышала, а испугалась только сегодня.

Она убрала телефон и повернула обратно, к входу в здание клиники. В вестибюле ей попало зеркало, и она невольно задержалась на пару секунд, но тут же ускорила шаг – вид собственного лица, отекавшего, с синяками и кровоподтеками, с багровыми линиями еще не заживших швов, внушал ужас и отвращение. «Господи, когда уже все это уродство сойдет, а? Мало того что теперь я не похожа на себя, так еще и выгляжу пока, как вокзальная бомжиха», – с отвращением подумала Коваль, направляясь к себе в палату.

Лежа вечером в постели, она с легкой улыбкой вспоминала сегодняшний разговор с врачом – каким-то слишком уж стерильным молодым мужчиной в белоснежном халате и безупречно отглаженных брюках.

– Вам придется долго учиться жить с вашим новым лицом, миссис Мэриэнн, – говорил он, стараясь не смотреть в это самое лицо. – Это, безусловно, очень трудно, и вас ждут некоторые неудобства.

– Какие же? – насмешливо спросила Коваль, покачивая ногой в тапочке на невысоком каблучке.

– Во-первых, ваше собственное ощущение. Просто представьте – много лет вы были одна, а теперь каждое утро в зеркале будет отражаться совершенно другое лицо, которое в первое время вы не сразу сможете принять.

– А во-вторых? – Она смотрела на него в упор, наслаждаясь тем, что бедолага-доктор не знает, куда деть глаза.

– Знакомые, миссис Мэриэнн. Вас может не узнать давняя приятельница, мимо пройдет старый знакомый. Думаете, это легко?

Если бы Коваль могла, она с удовольствием сообщила бы сейчас этому пропущенному через автоклав доктору, что как раз последнее – ее самая заветная мечта, ради которой она и затеяла это все. И «нервное расстройство на почве неудовлетворенности собственной внешностью», которое она так убедительно сыграла на приеме, не имело к операции никакого отношения. Любая женщина с удовольствием поменялась бы внешностью с Мариной Коваль, которая даже в сорок лет ухитрялась выглядеть так, что мужчины сворачивали шеи и забывали о своих спутниках. Но ее сейчас волновала не собственная красота, а безопасность. Безопасность, которую может дать только невозможность ее узнать. Так что все эти разговоры стерильного доктора о старых знакомых ее только смешили. Что он мог знать о том, как трудно научиться жить с новыми документами и новой биографией, как трудно забыть свою прежнюю жизнь и все, что с ней связано? Как тяжело приучить себя звать близкого человека другим именем, не сбиваясь на старое даже при крайней степени раздражения? Как трудно говорить и думать на чужом языке, пусть даже ты владеешь им превосходно? Как трудно перестать видеть по ночам сны, возвращавшие обратно, в прошлую жизнь, к прежним людям, к прежним чувствам? Так что такая мелочь, как новая форма носа и скул, Марину-Мэриэнн вообще не пугала.

Россия, за Уралом

Утро понедельника началось для мэра небольшого зауральского городка с семейной ссоры, которые он так не любил. Любимая жена встала в преотвратительнейшем настроении, а потому не оказала супругу должного уважения и почтения. Послала недалеко, проще говоря. Григорий Андреевич Орлов, имевший в определенных кругах прозвище Гриша Бес, нахмурился, но промолчал. Виола в последнее время стала непредсказуема и совершенно неуправляема. Глядя за завтраком на хмурое кукольное личико кудрявой блондинки, Григорий Андреевич никак не мог понять, чего именно не хватает этой женщине. Чего?! Он любил ее, не изменял, выполнял все капризы – что еще-то? Вечно выдумает себе какую-то чушь и носится с ней, как курица с яйцом. Что за баба...

– Вета... – осторожно начал Орлов, не желая уезжать на работу провожаемым вот этим хмурым взглядом. – Ты это... может, возьмешь Лешку да куда-нибудь на море, а?

– Самое время! – фыркнула она, раскуривая тонкую коричневую сигарку. – Не сезон.

– Ну, пусть не на море, – покладисто согласился он. – Пусть в Европу – хочешь?

Виола подняла прозрачные, как горное озеро, голубые глаза и, не мигая, уставилась на мужа. Через пару секунд тот почувствовал легкое головокружение и слабость, захотелось подняться в спальню и прилечь на прохладный шелк постельного белья.

– Что задумал? – медленно и тихо спросила Виола, выпуская сигарный дым прямо ему в лицо.

– Предчувствие... – вяло пробормотал Григорий, не в силах оторвать взгляда от ставших широкими зрачков жены. – Предчувствие какое-то... холод могильный... как в тот раз...

Виола, не сводя с мужа глаз, снова выпустила облачко дыма, повторила про себя его фразу про «могильный холод, как в тот раз», подумала о чем-то и вдруг резко щелкнула пальцами. Григорий дернулся, как от удара хлыстом, а она невозмутимо проговорила:

– Холодно еще везде, Гриша, не хочется мне. А ты, кажется, уже опаздываешь, – она указала сигарой на циферблат больших напольных часов.

– Ох ты, елки! – подхватился мэр, потирая пальцами заболевший затылок. – Давление, что ли? Голова заболела.

Виола дотянулась до ящика стоявшего рядом старинного комода, вынула упаковку каких-то таблеток и протянула мужу.

– Вот, возьми это, на работе выпей, – невинным тоном посоветовала она, поднимаясь, чтобы проводить его до двери.

Уже сев в машину, Орлов почувствовал, что в голове шевелится что-то такое... что-то, что произошло с ним, но чего он не помнит по какой-то причине. Но он быстро отогнал от себя эти мысли – предстояло серьезное обсуждение финансирования одного из важных проектов мэрии, и заикливаться на мелочах Григорий Андреевич позволить себе не мог.

Оставшись одна, Виола, запахнув полы длинного полупрозрачного халата из небесно-голубого шелка, нервно прошлась по просторной гостиной, раздувая крылья тонкого носика, что являлось высшей степенью взволнованности.

– Как в тот раз... как в тот раз... – повторяла она чуть слышно. – Неужели... неужели же это то, о чем я думаю? Не может быть! Этого просто не может быть!

Она схватила мобильный и начала набирать номер, но потом почему-то передумала и отложила телефон.

– Нет, так нельзя, – пробормотала она. – Нельзя... нельзя... Нужно по-другому... Как-то иначе...

Она легко взбежала по лестнице вверх, в небольшую комнатку, в которой обычно жила, приезжая, Маша, села за туалетный столик и принялась рыться в ящиках. Там всегда оставались после Машкиных визитов какие-то исписанные листочки из блокнотов, клочки бумаги, салфетки и даже рекламные проспекты, которые в изобилии толкают в руки прохожих девочки-промоутеры. Машка всегда брала их и использовала в качестве записной книжки, когда под рукой не было чего-то более подходящего.

– Я почти уверена... да, это должно быть тут... – бормотала Виола, перебирая все это добро.

Но в многочисленных листочках никак не находилось ничего нужного, ничего, что могло натолкнуть Виолу на правильный путь. Интуитивно она чувствовала, что разгадка неприятных ощущений мужа кроется именно в этих записках, оставленных Машей, что именно в них она сможет найти ответ на свой вопрос. Близость Машки с Мариной всегда была Виоле непонятна и – более того – неприятна. Ей казалось, что Маша отняла у нее внимание Марины, заняла то место, которое прежде отводилось ей, Виоле.

Она никогда не отказывалась принимать Машу в своем доме, напротив – всякий раз настаивала, чтобы та останавливалась у нее, но в душе злилась и ревниво присматривалась, словно пытаясь выяснить, чем же именно неприметная и замкнутая мышка сумела привлечь внимание Коваль. Не получая ответов на свои вопросы, Ветка злилась еще сильнее и пару раз пыталась даже прибегнуть к старому, но весьма эффективному способу – покопаться в Машкиной голове. Однако это самой Ветке принесло только головную боль и горький осадок, как после полынной настойки. Машкина болезнь, казалось, вытеснила из ее головы все остальные мысли и эмоции, кроме одной – «если со мной что-то случится, как же будет жить Алена?». Ветка понимала, каково это – матери постоянно думать о том, что станет с ее единственным ребенком, если вдруг произойдет что-то непоправимое. Она и сама часто задумывалась о дальнейшей судьбе Алешки, понимая, что Бес вряд ли сможет воспитывать его в одиночку. Слишком уж высоко взлетел муж, слишком много у него дел и слишком много недругов. Эта мысль заставила Ветку вернуться к тому, с чего, собственно, началось сегодняшнее утро. Чутье подсказывало ей, что муж неспроста проговорился о своих страхах – значит, было что-то, о чем она не знает, и это самое «что-то» непременно связано с Мариной, потому что только Коваль могла внушить своему родственнику такой ужас, чтобы заставить его не спать ночами. И из этого следовало только одно – что Григорий снова натворил нечто такое, чего Коваль никак не сможет оставить безнаказанным. А для этого у нее имелась только одна причина – Грегори. Грег, Егорка, сын покойного Малыша, за которого Марина могла в огонь, в воду и под танковую бригаду. Этот мальчик помог ей выжить, не сломаться после смерти Малыша. Ветка и сама прекрасно помнила тот момент, когда впервые увидела подругу в больничной палате с ребенком на руках. Эта картина тогда настолько поразила ее, что циничная ведьма свято уверовала – из Коваль выйдет отличная мать. Так и случилось. И даже Женька Хохол, отмороженный уголовник, славившийся своей жестокостью и безбашенностью, проникся к мальчику настолько, что искренне считал родным сыном. И если Гришка снова попытался как-то воздействовать на Марину с помощью Егорки, то это закончится плачевно, и даже сама Виола не станет вступаться за мужа, потому что не по-человечески это – давить на мать, угрожая ребенку. Если бы случилось подобное, она никогда не простила бы и мстила бы тоже до последнего. Так что у нее и в мыслях не было обвинять подругу, да и не в чем пока – доказательств готовившегося заговора против Гришки у Виолы не было. А шестое чувство и интуицию, как говорится, к делу не пришьешь. Но попытаться предугадать ход мыслей Коваль и хоть как-то минимизировать последствия – можно. Все-таки Гришка, как ни крути, – муж, и терять его не особенно хочется.

– Хм... предугадать действия Коваль... – пробормотала Ветка, спускаясь по лестнице. – Тому, кто сможет это сделать, дадут Нобелевку – как пить дать. Это самая непредсказуемая женщина из всех, кого я знаю.

Ветка всегда признавала, что Марина, пожалуй, единственный человек, на которого ей никак не удавалось воздействовать при помощи своих умений. Каждая попытка проникнуть в мысли Коваль не приносила ничего, кроме жутчайшей головной боли и ехидной усмешки подруги – «что, снова не вышло?», и Ветка никак не могла понять, каким образом Марине удастся заблокировать ее поползновения.

– Ты ведь не можешь совсем ни о чем не думать, – придирчиво спрашивала Ветка потом, но Марина только усмехалась:

– Я же предупреждала – даже не пробуй, я тебе не кролик подопытный.

И Ветка была вынуждена прекратить все попытки, чтобы не потерять дружбу, которой очень дорожила. Но интуитивно она чувствовала, что это начало конца. Точно так же в свое время Марина отрезала все Веткины притязания на собственное тело, и они из любовниц превратились просто в подруг, а потом постепенно начала отрезать и прочие контакты. И Ветке не раз приходило в голову, что одной из причин такого поведения подруги является как раз то, что Ветка замужем за Бесом.

«Позвонить, что ли? – подумала она, сидя в мягком кресле, и уже потянулась к мобильному, но в последний момент отдернула руку, точно обожглась: – Нет, не буду. Мало ли что там у них».

Сибирь

Два дня Маша не выходила из дома, и Хохол мучился догадками – что же происходит. Он слышал, как ночью ей кто-то звонил, и после этих звонков она нервничала и курила в кухне, не включая света и думая, видимо, что он спит. Женька ворочался на диване и не открывал глаз, а сам все время прислушивался к шагам Марьи и каждому шороху в квартире. Однако говорить с ней в открытую почему-то опасался – вдруг снова вспылит и совсем закроется, перестанет разговаривать. С ней случались такие приступы молчания, когда Машка могла за весь день не произнести ни слова, а только что-то писала и потом выбрасывала мелко порванные кусочки бумаги. Женька как-то попытался сложить их, чтобы прочесть, однако ничего не понял. Пару раз звонила Алена, отдохавшая с отцом в Бельгии, и Машка после этих звонков делалась еще мрачнее, чем до этого.

– У них там все нормально? – спросил Женька после очередного звонка, и Машка неопределенно кивнула. – Тогда чего ты такая смурная?

– Отстань, а? – неласково попросила Мышка и, подхватив ноутбук, скрылась в спальне.

«Чертова девка», – подумал про себя Хохол, решив больше ни о чем не спрашивать, пока она сама не соизволит заговорить. Этим поведением она только сильнее напоминала Марину, которая тоже пресекала попытки вывести ее на разговор, если хотела что-то скрыть. Эти воспоминания злили самого Женьку, и он потом долго боролся с желанием позвонить жене. Ссора возникла, в общем-то, на пустом месте – из-за решения Коваль ни с того ни с сего лечь в клинику пластической хирургии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.